

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ**

Научный журнал

2013 / 12

Политические изменения в Латинской Америке
Научный журнал

№ 12, 2013
Основан в 2006 году

Учредители:

Факультет международных отношений Воронежского Государственного Университета;
Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран;
Кафедра международных отношений и мировой политики;
Воронежское отделение Российской Ассоциации исследователей
Иберо-Американского мира

Редакционная коллегия

Д-р экономической истории **Мириам Дольникофф** (Университет Сан-Паулу, Бразилия)
Д-р политологии **Георги Иванов Коларов** (Болгария)
к.э.н. **И.В. Комов** (ВГУ)
доц. **М. В. Курчанов** (отв. ред., ВГУ)
к.и.н. **А. В. Погорельский** (ВГАСУ)
проф., д.и.н. **А. И. Сизоненко** (ИЛА РАН)
проф., д.полит.н. **А. А. Слинько** (главный редактор, ВГУ)
к.и.н. **И. В. Форот** (ВГУ)

Editorial Board

Doutorado em História Econômica **Miriam Dolnikoff** (Universidade de São Paulo, Brasil)
Ass.Pr., Dr. **Georgi Ivanov Kolarov** (Bulgaria)
Dr. **Igor V. Komov** (Voronezh State University)
Ass.Prof. **Maksym W. Kyrchanoff** (editor)
Dr. **Irina V. Phoret** (Voronezh State University)
Dr. **Alexander V. Pogorelsky** (Voronezh State Academy for Architecture and Building)
Prof., Dr.Sc. in History **Alexander I. Sizonenko** (Institute for Latin American Studies)
Prof., Dr.Sc. in Politics **Alexander A. Slinko** (editor-in-chief)

Адрес редакции

394000, Россия, Воронеж
Московский пр-т 88
Воронежский государственный университет
корпус № 8, к. 105, 107

Все оригинальные статьи, написанные на русском языке, поступающие в Редакцию,
проходят процедуру анонимного рецензирования.

Электронная версия

http://www.ir.vsu.ru/resources/library/latin_politics.html

ISSN 2219-1976

Содержание

Статьи

<i>А. Андреева</i> , Внешняя политика Испании в Латинской Америке: основные линии современного сотрудничества	4
<i>М. Кирчанов</i> , Некоторые проблемы процесса индустриализации в Латинской Америке	12
<i>Ю. Ващенко</i> , Боливия: реализуемы ли мечты о примирении?	20

Левый поворот в Латинской Америке: демократическая критика

Злой гений Венесуэлы. Интервью венесуэльских оппозиционных политологов – Луиса Альберто и Хосе Альберто Лопеса Рафасчиери	25
Венесуэла: восстановление прав цивилизованной нации	30

Проблемы советского бразиловедения

<i>М.В. Кирчанов</i> , Советское бразиловедение в 1960-1970-е гг. и проблемы «большого» нарратив	34
--	----

Кубинская революция: история и современность

Алейда Гевара: «Уважая права других»	55
«Мы не называем нашу политику реформами»	58

«Визуальный поворот» в латиноамериканских исследованиях

<i>М.В. Кирчанов</i> , «Визуальный поворот», или теоретические основания фотографического измерения бразильской истории	65
Проблемы истории фотографии в Бразильской Империи	73

Новые книги

<i>М.В. Кирчанов</i> , Бразильская Империя в классической исторической памяти Бразилии	80
--	----

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: основные линии современного сотрудничества

В данной статье анализируется внешняя политика Испании в Латинской Америке. Автор выделяет четыре основных уровня сотрудничества: двусторонний, региональный/субрегиональный, европейский и взаимодействие между негосударственными акторами. Политика Испании в регионе ведется по двум основным направлениям: помощи по развитию и треугольного сотрудничества юг-юг. Первая осуществляется через соответствующие структуры по программам помощи ООН, вторая – через Главный Секретариат Иbero-американских Стран. Треугольное сотрудничество ведется в рамках проектов "pro huerta" между Испанией, Аргентиной и Гватемалой и в секторе государственной службы между Испанией, Чили и Парагваем.

Ключевые слова: *внешняя политика, Испания, Латинская Америка, Европейский Союз, ООН, помощь по развитию, треугольное сотрудничество юг-юг, "pro huerta", сектор государственной службы.*

The article analyses the Spanish foreign policy in Latin America. The author mark out four levels of cooperation: bilateral, regional/sub regional, European and interaction between non-governmental actors. The Spanish policy in the region develops within two main directions: development aid and triangular cooperation South-South. The first one is realized by the structures of the UN for development aid and the second one – by the Secretary of Latin American Integration Association. Triangular cooperation is being carrying out with "pro huerta" project by Spain, Argentina and Guatemala and within public service sector between Spain, Chile and Paraguay.

Keywords: *foreign policy, Spain, Latin America, the European Union, the UN, development aid, triangular cooperation South-South, "pro huerta", public service sector.*

В связи с исторической, культурной и лингвистической близостью, латиноамериканское направление всегда находилось на повестке дня внешней политики Испании. Тем не менее, лишь только когда были созданы соответствующие экономические (экономическое развитие и вступление в ЕЭС) и политические (демократизация и рост престижа Испании на международной арене) условия, Мадрид смог разработать и провести в жизнь конкретные внешнеполитические планы и инициативы. В первую очередь, они были направлены на пассивацию конфликтов и помощь в социально-экономическом развитии региона. Далее, к политической и экономической компонентам, прибавилась гражданская: в 1998г. был принят закон о *Международном сотрудничестве по развитию*¹, ключевым пунктом которого являлась борьба с бедностью. Более того, Испания брала на себя ответственность по устранению последствий, вызванных природными катастрофами.

Иберо-американскую внешнюю политику Испании можно рассматривать с позиций *уровневого* и *институционального* подходов в анализе. Среди уровней взаимодействия выделяются: двусторонний, субрегиональный/региональный и европейский. Основой двусторонних отношений между Испанией и странами Латинской Америки служит подписание договоров дружбы и сотрудничества, которые содержат программы по развитию экономических и инвестиционных отношений, стимулированию развития испанского бизнеса в регионе и программы помощи по развитию. Сюда так же входит обширная гамма проектов по укреплению легитимности и эффективности управления государством, децентрализации, развитию регионов, урбанизму, равенству полов, окружающей среде, здравоохранению, образованию, институциональному укреплению программ по развитию. Немало важно и то, что Испания оказывает поддержку по укреплению исследовательских возможностей в информационно-технической отрасли, уделяя особое внимание помощи высшим учебным заведениям².

К субрегиональному/региональному уровню относятся специфические политики, направленные на развитие отношений с центрально-американским регионом, Андским Сообществом и МЕРКОСУР. Этот уровень более всего подвержен корректировке в зависимости от проведения определенного политического курса тем или иным правительством Испании. Полем для его осуществления являются иберо-американские саммиты, учрежденные в 1991г. и имеющие своей целью поддержание Иберо-американского сообщества.

Что касается последнего уровня – европейского, то со вступлением Испании в Сообщество, политика последнего по отношению к этому региону, претерпела значительные изменения. С самого начала Испания задалась целью внести Латинскую Америку на повестку дня Европейского Парламента и провести проекты, как по общей экономической помощи, так и по помощи по развитию на региональном или субрегиональном уровне. Таким образом, цель Испании заключалась в предоставлении латиноамериканским странам экономических гарантий посредством увеличения контактов с ЕЭС/ЕС. Более того, Испания стремилась отвести одно из центральных мест вопросам по сотрудничеству со странами Латинской Америки при обсуждении внешнеполитической стратегии Сообщества/Союза³. В свою очередь, создание такого внешнеполитического треугольника, где Мадрид занимал посредническое место, значительно повысило международный авторитет страны и его стратегические позиции в межатлантическом векторе. И, наконец, европеизация этого направления уменьшила рис-

ки, которые могла иметь автономная политика страны в регионе в связи с возможной реакцией на нее Соединенных Штатов Америки.

Наравне с выше обозначенными уровнями существует еще один – четвертый – который только набирает значимость, и относится ко всей внешней деятельности, развитой целым рядом публичных и частных акторов: от автономных областей и местных корпораций до фирм, НПО, университетов и ассоциаций всех типов.

К институциональным основам сотрудничества с латиноамериканскими странами относится политика, проводимая в рамках стратегии «*помощи по развитию*» (**ayuda al desarrollo**) через соответствующие комитеты помощи развивающимся странам ООН и путем продвижения политики «*треугольного сотрудничества и сотрудничества юг-юг*» в Иbero-Америке (**cooperación sur-sur y triangular**).

Одним из самых ярких примеров сотрудничества Испании с международными агентствами помощи по развитию является взаимодействие с Фондом по достижению Целей Развития Тысячелетия (Ф-ЦРТ). Этот фонд был учрежден в 2007г. посредством подписания соответствующего договора между правительством Испании и Генеральной Ассамблей ООН. На данный момент он насчитывает бюджетный фонд в 900 млн. дол. Из него финансируются 150 программ по всем восьми заявленным пунктам ЦРТ в 50 странах мира. К этим пунктам относятся: ликвидация абсолютной бедности и голода, обеспечение всеобщего начального образования, содействие равноправию полов и расширение прав женщин, сокращение детской смертности, улучшение охраны материнского здоровья, борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями, обеспечение экологической устойчивости, формирование всемирного сотрудничества в целях развития.

Отличительной чертой Ф-ЦРТ является то, что финансируемые программы ООН по каждому проекту проводятся различными агентствами, комиссиями и фондами не самостоятельно, а координированно с целью повышения их эффективности. Помимо этого, к программе помощи получили доступ страны со средним доходом, которые обычно находятся за пределами списка государств, выбранных для традиционного сотрудничества, в виду их относительно среднего экономического развития (несмотря на то, что некоторые пункты Целей Развития Тысячелетия являются для них национальной проблемой)⁴.

Иbero-американское пространство по сотрудничеству («юг-юг») берет свое начало в 1991г. с проведением в Гвадалахаре (Мексика) первого саммита глав правительств и государств. Речь идет о поле, созданном правительствами стран, которые имеют одинаковые полити-

ческие, экономические и социальные препятствия на пути построения государства всеобщего благосостояния. Эта общая характеристика сделала возможным принятие единой политики, которая упрочила взаимоотношения и взаимопонимание между партнерами, одновременно способствуя развитию интеграции внутри региона и за его пределами.

Роль Испании в сотрудничестве юг-юг является главенствующей. Основным организмом – Главный Секретариат Иbero-Американских стран, чья деятельность лежит в трех политико-стратегических направлениях. К ним относятся ежегодные президентские саммиты, встречи между национальными представительствами по координации и выработка ежегодных отчетов.

В рамках этого направления существует еще одно, так называемое «*треугольное сотрудничество*». Под ним понимается любое треугольное сотрудничество, сформированное между одной развитой и двумя развивающимися странами. При этом, «*традиционным донором помощи*» (**donante tradicional**) называется развитая страна, «*партнером-оферентом*» (**socio oferente**) – развивающаяся страна, которая действует в роли донора помощи, а «*партнером-приемщиком*» (**socio receptor**) – другая развивающаяся страна, которая выступает в роли конечного адресата этой помощи. Для сокращения, иногда, используется термин «*доноры помощи*» (**donantes**), одновременно ссылаясь на традиционного донора помощи и партнера-оферента⁵.

Испания задействована в двух проектах треугольного сотрудничества: Испания – Аргентина – Гватемала с программой “**pro huerta**” и Испания – Чили – Парагвай в области укрепления сектора государственной службы.

Программа “**pro huerta**” берет свое начало в одноименном плане действий, выработанном Аргентиной в 1990г., с целью разрешения проблемы продовольственной безопасности внутри своих границ. В рамках этой программы были заложены плодовые сады (huertas) для личного потребления их бенефициарами, чтобы с их помощью они получили доступ к более здоровой и сбалансированной диете. Успех программы дал импульс к ее изучению с целью ее возможного применения в странах, где существует проблема продовольственной безопасности.

В итоге, эта программа была перенесена на Гаити в 2005г. и к ней подключились такие доноры помощи, как Межамериканский Институт Сотрудничества в области Сельского Хозяйства (2005г.), Бразилия (2006г.), Испания (2006г.), Международный Фонд по Развитию Сельского Хозяйства (2007г.), Канада (2008г.) и Япония (2011г.). Именно

внутри программы “pro huerta” на Гаити начинает развиваться схема треугольного сотрудничества между Аргентиной и Испанией.

Проблема продовольственной безопасности является очень острой для Гватемалы. Широкие слои населения испытывают постоянные трудности с питанием. В 2009 году было решено предпринять попытку адаптации программы для нужд этой страны. В этой связи в Гватемалу были отправлены аргентинские специалисты с двумя техническими миссиями: в ходе общения с представителями гватемальской власти разузнать о реальных нуждах страны в области продовольственной безопасности и возможностях внедрения самой программы.

Окончание первого этапа дало начало разработке проектного документа. Согласно нему, общий бюджет должен был составить 1.97 млн. дол. среди которых, доля Испании составляла 915 тыс. дол. (46,3%), Аргентины 790 тыс. дол. (40%) и Гватемалы 271 тыс. дол. (13.7%). Временные параметры ограничивались 18 месяцами, включая пилотную фазу, состоящую из 6 месяцев. Бенефициарами должны были стать 30 тыс. человек из девяти округов трех департаментов, расположенных в так называемом, «сухом коридоре».

Проектные обязанности между тремя странами разделялись следующим образом: Гватемала занималась делами, касающимися внутренней административной координации для реализации проекта. Аргентина, помимо того, что брала на себя затраты на специалистов, должна была оказывать административную помощь через свое посольство в Гватемале, поставлять семена и отвечать за последующий надзор и оценку развития программы. И, наконец, Испании оставалось предоставлять финансовую помощь и так же осуществлять надзор и оценку развития проекта.

Тем не менее, разработанный Аргентиной и отправленный Испании в августе 2010г. проектный документ, согласно которому, осуществление проекта планировалось начать в сентябре 2010г., оказался заблокирован до февраля 2011г. Именно тогда Мадрид отправил в Буэнос-Айрес предложение о пересмотре ранее обговоренных деталей проекта. Изменения, внесенные Испанией, затрагивали различные сферы. В первую очередь, это касалось пересмотра бюджета, уменьшая его приблизительно втрое (до 300 тыс.). Во-вторых, изменения касались временных рамок: начальная фаза расширялась с 6 до 12 месяцев, а вторая фаза (12 месяцев) сокращалась. В-третьих, предлагалось сконцентрироваться на внедрении плана в одном округе (вместо девяти). В итоге, переформулирование проектного документа Мадридом и сильное урезание бюджета означало уменьшение зон географиче-

ческого задействования и снижение временных рамок программы по отношению к изначальному плану, который приняли Аргентина и Гватемала⁶.

Сектор государственной службы в Парагвае является одним из наиболее уязвимых и насчитывает несчетное количество проблем. Наиболее острая заключается в отсутствие какой-либо законодательной базы, регулирующей доступ граждан к государственной службе, что приводит к образованию запутанной коррупционной системы и политическому протекционизму. Для борьбы с этим в 2000г. внутри парагвайского правительства был создан Секретариат Государственной Службы, отвечающий за кадровую политику. С 2008г. Секретариат получил поддержку президента Фернандо Луго, который официально заявил о борьбе с политическим протекционизмом в рамках правительственной стратегии на 2008-2013гг.

В настоящее время СГС обладает реальным политическим весом и полной поддержкой правительства Парагвая. Это способствовало привлечению широкого количества доноров помощи из Испании (Испанского Агентства Международного Сотрудничества по Развитию), США (Агентства Соединенных Штатов по Международному Сотрудничеству), Японии (Японского Агентства по Международному Сотрудничеству), Чили (Чилийского Агентства по Международному Сотрудничеству) и таких международных организаций, как Программа развития ООН (ПРООН), Международный Банк, ЮНИСЕФ и ЮНИФЕМ.

Импульсом к началу треугольного сотрудничества между Испанией Парагваем и Чили явился взаимный интерес к началу проведения подобной политики между первым и последним. Еще в 2006г. во время пятого смешанного испано-чилийского саммита треугольному сотрудничеству между странами впервые был посвящен специальный раздел. Позднее, в октябре 2009г. был подписан *Меморандум об Общественном Соглашении (Memorandum de Entendimiento)*, в котором, среди основных направлений сотрудничества, обговаривалась возможность осуществления проектов треугольного сотрудничества с третьими странами в Латинской Америке и Карибском бассейне, а также оказание институциональной помощи Чилийскому Агентству по Международному Сотрудничеству. Более того, предусматривалось создание Смешанного фонда, через который должно было осуществляться финансирование проектов по треугольному сотрудничеству обеих стран⁷.

Сотрудничество между Испанией, Чили и Парагваем преследует цель создать новую модель управления сектором государственной

службы. Для ее достижения был запланирован ряд действий по трем направлениям. В первом случае, это касается выработки модели конкурсного регулирования доступа к государственной службе, разработки плана обучения тьюдоров для того, чтобы улучшить квалификацию госслужащих и принятии плана *Равенства, Разнообразия и Инкорпорации (Igualdad, Diversidad e Inclusión)*. Во втором, планируется создание двух групп по управлению политикой отдела кадров. Последнее направление включает действия, направленные на слежение и оценку треугольного проекта.

Что касается распределения обязанностей между странами, то участие Чили заключается в обеспечении технической поддержки, особенно в проектировании модели доступа к государственной службе и разработке плана обучения тьюдоров. Парагвай предоставляет логистическую, организационную помощь и осуществляет контроль над деятельностью программы. Со стороны Испании оказывается поддержка в разработке плана Равенства, Разнообразия и Инкорпорации.

Проект начался в сентябре 2009г. и по плану должен был закончиться в декабре 2011г. (27 месяцев). Его бюджет составлял 401.345 тыс. евро, из которых 279.470 тыс. (70%) предоставляла Испания, 85.575 тыс. (21%) Чили и 36.300 тыс. Парагвай (9%). Финансирование производилось через специально созданный Смешанный Фонд, о котором говорилось ранее⁸.

В заключении нужно отметить, что за последние тридцать лет Испания выстроила прочную политику сотрудничества с латиноамериканскими странами. Ее отличительной чертой является взаимодействие, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. В XXI в. она достигла небывалых до этого высот. Однако, нарастающее напряжение внутри страны, связанное с глубокой кризисной экономической ситуацией, значительно ограничило возможности Испании развивать свои программы помощи по развитию. В этой связи в латиноамериканском регионе так же наблюдается снижение объема программ помощи с традиционными донорами – США и ЕС.

---

¹ Ley 23/1.998, de 7 de julio, de Cooperación Internacional Para el Desarrollo. – (<http://www.pnsd.msc.es/Categoria2/legisla/pdf/172.pdf>)

² Martín Rivero Illa El papel de la cooperación internacional en la construcción de una marca-país. – (http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/cooperacion+y+desarrollo/ari5-2013_rivero_cooperacion_internacional_marca-pais)

³ Úbeda-Portugués J.U. Veinte años de relaciones entre España e Iberoamérica en el marco de la Unión Europea (1986 – 2006) / J.U. Úbeda-Portugués. – Madrid, 2007.

⁴ Fondo para el Logro de los ODM – (<http://www.mdgfund.org/es/aboutus>)

---

⁵ Alonso J.A., Aguirre P., Santander G. *La cooperación Española triangular en América Latina: un análisis de dos experiencias de interés* / J.A. Alonso, P. Aguirre, G. Santander. – Madrid, 2011.

⁶ Plan operativo anual 2012. – (http://anterior.inta.gov.ar/extension/prohuerta/informacion/biblioteca_digital.asp)

⁷ Memorandum de Entendimiento entre la República de Chile y el Reino de España para una asociación sobre cooperación triangular. – (http://www.agci.gob.cl/attachments/category/296/memorandum_chile_espana.pdf)

⁸ Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo. Cooperación triangular entre Paraguay, Chile y España – (http://www.aecid.es/en/noticias/2009/11_Noviembre/2009_11_27_triangular.html)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Индустриализация относится к числу важнейших процессов в экономической истории. Индустриализация содействовала переходу от традиционных форм экономики к современным. Индустриализация развивалась неравномерно. Национальные модели индустриализации характеризуются значительными особенностями. Автор полагает, что индустриализация – не только часть экономической истории, но и составной процесс развития переходных экономик. Процесс индустриализации в странах «третьего мира», зависимых и периферийных государствах фактически совпал с переходом к рынку от традиционных форм экономической организации.

Ключевые слова: индустриализация, экономическое развитие, экономические переходы

Industrialization belongs to the number of major processes in economic history. Industrialization assisted to transition from the traditional forms of economy to modern ones. Industrialization developed unevenly. The national models of industrialization are characterized by considerable features. The author supposes that industrialization is not only part of economic history but also component process of transitional economies development. Process of industrialization in the countries of the «third world», dependent and peripheral states coincided with transition to the market economy from traditional forms of economic organization.

Keywords: industrialization, economic development, economic transitions

Переходные экономики практически всегда развиваются процессуально. Основу экономических изменений в условиях перехода от одной экономической системы к другой составляют те или иные процессы, связанные, например, с ослаблением традиционного общества, его разрушение, постепенным размыванием старых социальных и экономических институтов. Нередко подобные процессы, которые имеют место в развивающихся экономикой, получают общее определение «модернизации»¹. Подобные трансформации нередко могут иметь модернизационное содержание, способствуя радикальной смене экономических отношений, исчезновению старых и появлению новых институтов и акторов в рамках той или иной экономики. Одним из подобных процессов, который радикально изменил облик европейской экономики, стала индустриализация. Индустриализация не относится к числу явлений исключительно капиталистической модели развития. Те или иные формы индустриализации практиковались и в рамках административно-хозяйственной системы.

Процессы индустриализации могут протекать и в условиях перехода той или иной экономики к рынку. Правда, стартовые условия подобного перехода различны, завися как от региона, так и от исторической эпохи: индустриализация в ее наиболее ранних формах могла начинаться в условиях генезиса капитализма, т.е. на этапе возникновения рынка и рыночной экономики в принципе. Индустриализация мо-

жет стать процессом параллельным становлению рынка и в том случае, если то или иное общество пребывает в состоянии перехода от традиционной экономики к капиталистической, что, например, было характерно для ряда стран Азии и Востока. В подобной ситуации, феномен индустриализации является многогранным и многоуровневым, хотя по формальным признакам процессы индустриализации как на Западе, так и в России, как в Южной Америке, так и на Востоке имели немало общих черт, связанным в первую очередь с социально-политическими ожиданиями от позитивного эффекта и положительного влияния индустриализации на экономический рост в частности и ту или иную национальную экономику в целом.

Практически во всех регионах, которые пережили процесс индустриализации, она вела к радикальным переменам в культурном и символическом ландшафте города, уничтожая функцию города как религиозного или культурно-политического центра, наделяя его атрибутами экономического центра. Индустриализация вела и к социальным переменам, отмиранию целого ряда социальных групп и, как следствие, большей унификации общества. Индустриализация породила и новую политическую силу – рабочий класс, что привело к постепенной политизации общества, возникновению новых партий, которые нередко отличались экстремистским характером, активно оперируя как правыми, так и левыми политическими лозунгами. В этом отношении индустриализация была процессом не только исключительно экономическим. Политическая компонента индустриализации не вызывает сомнений, хотя сам процесс индустриализации нередко интерпретируется в категориях преимущественно экономической науки.

Единой дефиниции процесса «индустриализации» в научной – экономической, политологической, исторической – литературе не разработано. В советской экономической теории в отношении развивающихся стран понимался процесс «широкого внедрения современной технологии в экономику отсталой страны, перевод на промышленную основу всех ее отраслей, включая сельское хозяйство, технико-экономическая реконструкция всего хозяйства в интересах прогрессивного развития»². Советский экономист Н.П. Шмелев³ предлагал максимально широкую дефиницию, полагая, что под индустриализацией возможно понимать процесс развития экономики в целом. Подобная дефиниция фактически может восприниматься как советская модификация западных теорий модернизации. В отличие от западной политологии, основанной на концепции вестернизации, советские версии теории модернизации были основаны на принятии идеи о та-

ком же прогрессивном воздействии на развивающиеся страны другого, советского, условного Запада. Под индустриализацией можно понимать «фазу экономического развития, при которой имеет место перемещение капитала и трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленность, в первую очередь – обрабатывающую»⁴. Социологическое понимание индустриализации сводит процесс к социальным трансформациям⁵, формированию новых типов отношений, которые отличны от тех, что доминируют в традиционном аграрном обществе⁶. Другие авторы склонны акцентировать внимание на процессуальной компоненте и временной пролонгации индустриализации как составной части процессов развития и модернизации. Именно поэтому индустриализация может рассматриваться как «развитие промышленности» как основное направление «стратегии развития»⁷.

Хронологические границы, а также сами формы протекания процессов протоиндустриализации и индустриализации в различных регионах мира являются дискуссионными: если в одних странах процесс индустриализации (или точнее – протоиндустриализации⁸) начинался относительно рано, то другие присоединились к нему только во второй половине XX века⁹. Некоторые современные российские экономисты (Н.П. Кузнецова, С.Г. Митин¹⁰) полагают, что в своей классической форме индустриализация протекала с 1750 по 1914 год, став «индустриализацией евроамериканского типа». Помимо классической модели индустриализации возможно выделение и переходной ее версии, которая была реализована в Германии¹¹, России¹² и Японии. В других странах Европы – в Словении¹³, Чехии¹⁴, Польше¹⁵, Венгрии¹⁶, Латвии¹⁷, Литве¹⁸, Эстонии¹⁹ – которые в различной степени могут претендовать на статус внутренних или внешних периферий (если признать подвижность границ Европы в культурном плане), процесс индустриализации протекал не только медленно, но и дискретно. Негативная политическая динамика, утрата независимости содействовали и перифериизации экономик, которые ранее могли пребывать примерно на одном уровне с экономиками стран Запада. Такие регионы не относились к числу лидеров роста, а сами темпы индустриализации как составной части процесса модернизации были в значительной степени замедлены доминированием преимущественно аграрной экономики, традиционных политических институтов и существованием неполных социальных структур.

Индустриализация в регионе Латинской Америки, под которой чилийский экономист А.Б. Кортес понимал процесс замещения досовременных форм промышленности «фабрично-заводской промышленностью», становящейся «основной формой развития латиноамерикан-

ской экономики»²⁰, существенно осложнялась доминированием периферийной модели капитализма²¹, отличительными характеристиками которой стали неспособность правящих элит выработать собственные концепции развития, тенденции к локализации экономики²². Другими факторами, существенно влиявшими на процесс, следует признать общую «пестроту» рынка²³, гетерогенность экономических акторов, одновременное сосуществование как традиционных участников рынка, так и агентов, порожденных процессами развития капитализма. Кроме этого для латиноамериканских обществ на протяжении длительного времени была характерна размытость границ между различными видами деятельности, между домашним хозяйством и коммерческой деятельностью²⁴, низкий уровень развития связей с внешним миром периферийных регионов, имитация западной или американской модели, наличие экономической зависимости от внешних центров, сосуществованием традиционных и капиталистических отношений, неодновременное и разнонаправленное возникновение современных (рыночных) институтов.

Процесс индустриализации и последующего развития промышленности в Аргентине²⁵ был связан с непосредственным государственным участием, эффективность которого на разных этапах новейшей экономической истории страны была крайне разнообразной. Государство не только создавало условия для направляемого и поддерживаемого сверху экономического роста, но и содействовало появлению значительного числа диспропорций, которые в особенной степени стали заметны в результате политического кризиса, вызванного поражением Аргентины в конфликте с Великобританией²⁶, который обнажил противоречия и диспропорции в развитии экономики. Фактор зависимости вынуждал политические элиты в латиноамериканских государствах (например, в той же Аргентине²⁷) использовать и сочетать разные модели политики индустриализации, используя опыт как импортодополняющей, так и импортозамещающей индустриализации.

Значительными особенностями характеризуется процесс индустриализации в Бразилии²⁸. Индустриализация в этой стране была отягощена политическими противоречиями, тенденциями к регионализации²⁹, зависимостью³⁰ от внешних центров силы и даже, по Р. Факу, пережитками феодализма³¹, замедленными темпами, связанными с социальными трансформациями (например, пролетариата³², который относился к числу качественно новых групп в структуре общества, призванных обеспечивать воспроизводство капиталистической модели экономики), поздним началом, преимущественной ориентацией на

внешние рынки³³ и зависимостью от них, а также гетерогенной структурой национальной экономики, одновременным и параллельным существованием как традиционных (преимущественно сельскохозяйственных отношений, в значительной степени отягощенных аграрным вопросом и социальными проблемами), так и капиталистических институтов и отношений. Это привело, с одной стороны, к значительным деформациям и диспропорциям в процессе индустриализации, к установлению экономики монокультуры, институционализации зависимости от внешних экономических центров. С другой, в XX веке Бразилия получила опыт развития в рамках авторитарных режимов, которые, наоборот, в качестве своей стратегической задачи были склонны видеть преодоление тех негативных характеристик, о которых речь шла выше. В результате стране пережила направляемую элитами индустриализацию, что, впрочем, содействовало не только экономическому росту, сокращению уровня зависимости, но и формированию новых экономических диспропорций, отягощенных наличием значительного числа нерешенных социальных проблем.

Последствия индустриализационного процесса для развивающихся стран и развивающихся рынков как их частного случая являются спорными. Экономисты либеральной ориентации склонны акцентировать внимание на негативных последствиях индустриализации. Дипак Лал³⁴, например, связывает именно индустриализацию с радикализацией политической сферы, появлением новых политических вызовов, представленных в частности идеологией марксизма³⁵. Не менее опасным последствием индустриализации, по версии ортодоксальных либералов, стал рост уровня жизни рабочих, которые начали больше внимания уделять политике, что привело к появлению столь нелюбимых либеральными экономистами профсоюзов.

Подводя итоги раздела, во внимание следует принимать ряд факторов. Индустриализация стала важным компонентом в процессе экономических и социальных трансформаций, переходов от одного экономического состояния к другому. Индустриализацию можно воспринимать и как немаловажный фактор существования развивающихся рынков и транзитных экономик. В данном контексте развивающиеся рынки – это развивающиеся рынки вообще, трансформирующиеся рынки в самой широкой исторической и хронологической перспективе, а не частный случай экономических изменений и трансформаций, связанный с переходом от административно-командной модели развития экономики к рыночной. Индустриализация – это фактор, который стимулирует экономические перемены, разрушает архаичные и традиционные экономические системы. Вероятно, индустриализация бы-

ла среди тех сил, которые создали не только экономический облик современного Запада, но и заложили основы той модели функционирования экономики, к которой стремятся государства с развивающимися рынками. Индустриализация, разрушив или в значительной мере ослабив и подорвав мощь традиционных экономик, содействовала политическим трансформациям: благодаря именно процессам индустриализации на смену династическим государствам, основанным на доминировании натурального традиционного хозяйства, постепенно приходят современные нации-государства, суверенитет, независимость и самодостаточность которых нередко были созданы благодаря индустриализации. Именно индустриализация привела к появлению тех феноменов, которые в зависимости от исторической эпохи и политической конъюнктуры обозначались как «народное хозяйство» или «национальная экономика». Несмотря на столь огромное значение модернизации, проблематика, с ней связанная не столь популярна среди экономистов, многие из которых склонны видеть в индустриализации процесс преимущественно исторический, имевший место в прошлом, скомпрометированный советским опытом политики индустриализации. Это мнение в значительной степени ошибочно, хотя и отражает глубину раскола в научном сообществе экономистов между теоретиками и практиками. Изучение индустриализации актуально не только для первых, но и для вторых, которые нередко имеют дело с качественной иной экономикой, отличной от той, о которой пишут методологи и теоретики. Эта новая экономика возникла частично и как следствие исторического и политического антипода процесса индустриализации – деиндустриализации – неизбежного спутника экономических трансформации и переходов.

---

¹ Ольштынский А. Политическая модернизация: стратегии и инструменты реализации / А. Ольштынский // *Экономическая политика*. – 2011. – № 1. – С. 137 – 157.

² Александровская Л.И., Кресс А., Сванидзе И.А. Проблемы индустриализации и практика промышленного развития / Л.И. Александровская, А. Кресс, И.А. Сванидзе // *Африка: проблемы социалистической ориентации* / ред. Н.И. Гаврилов, Г.Б. Старушенко. – М., 1976. – С. 206 – 232.

³ Шмелев Н.П. Проблемы экономического роста развивающихся стран / Н.П. Шмелев. – М., 1970. – С. 67.

⁴ См. подробнее: *The Social Sciences Encyclopedia* / eds. A. Kuper, J. Kuper. – L., 1985. – P. 386.

⁵ *The Encyclopedia of Sociology*. – NY., 1981. – P. 135.

⁶ Lockwood W. *The Economic development of Japan* / W. Lockwood. – L., 1955.

⁷ *The Mit Dictionary of Modern Economics* / ed. D.W. Pearce. – Cambridge, 1992. – P. 204.

⁸ Об исторических предшественниках процесса индустриализации см.: Некрасов Ю.К. О роли торговостовицкого капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI веке / Ю.К. Некрасов // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века* / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 179 – 203; Некрасов Ю.К. Возникновение и развитие системы раздачи в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии / Ю.К. Некрасов // *Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии* / отв. ред. А.А. Кириллова. – М., 1979. – С. 31 – 63; Фараджеева С.А. Ранние капиталистические отношения в горной промышлен-

ности Саксонии во второй половине XVI в. / С.А. Фараджеева // *Генезис капитализма в позднее Средневековье в Англии и Германии* / отв. ред. А.А. Кириллова. – М., 1979. – С. 64 – 80.

⁹ Научная литература, посвященная как генезису индустриализации, так и региональным вариантам развития промышленности в Новое Время, значительна. См.: Кулишер И. Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия / И. Кулишер // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Кортуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 60 – 96; Бомон М. Производственная активность Германии после войны 1914 – 1918 гг. / М. Бомон // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / пер. с фр. Н. Авдониной, Е. Балаховской, А. Зайцевой, К. Кортуновой, М. Сокольской. – М., 2007. – С. 97 – 116.

¹⁰ Кузнецова Н.П., Митин С.Г. Индустриализация в историческом контексте / Н.П. Кузнецова, С.Г. Митин // *Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник* / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 30 – 59.

¹¹ О генезисе и исторических предпосылках индустриализации в Германии см.: Некрасов Ю.К. О роли торгово-ростовщического капитала в горнорудной промышленности германских земель в XVI веке / Ю.К. Некрасов // *Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века* / ред. А.А. Кириллова, Н.Ф. Мурыгина, И.А. Дворецкая. – М., 1975. – С. 179 – 203; Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV – XVI вв.) / М.М. Смирин. – М., 1969.

¹² О процессах индустриализации в России см.: Олегина И.Н. Освещение и оценки российской индустриализации в исторической литературе / И.Н. Олегина // *Индустриализация. Исторический опыт и современность. Межуниверситетский сборник* / ред. Н.С. Бабинцева, Н.П. Кузнецова, К. Рихтер. – СПб., 1998. – С. 175 – 194.

¹³ Чуркина И.В. Развитие промышленности и торговли в Словении в XVI веке / И.В. Чуркина // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 124 – 148.

¹⁴ Пури Я. Промышленность в Чехии в конце XVIII столетия / Я. Пури // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 149 – 215.

¹⁵ Солдатенко А.В., Якубский В.А. Судьбы буржуазных начал в экономике Речи Посполитой XVI – XVII веков / А.В. Солдатенко, В.А. Якубский // *Проблемы разложения феодализма и генезис капитализма в Европе* / ред. В.М. Строгоцкий. – Горький, 1989. – С. 30 – 39.

¹⁶ Мереи Д. Зарождение элементов капитализма в сельском хозяйстве Венгрии первой половины XIX века / Д. Мереи // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 216 – 254.

¹⁷ Енш Г.А. Развитие промышленности в Латвии в первой половине XIX века / Г.А. Енш // *Генезис капитализма в промышленности* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1963. – С. 187 – 223.

¹⁸ Меркис В.Ю. Вотчинная промышленности Литвы в 1795 – 1861 гг. / В.Ю. Меркис // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 255 – 287.

¹⁹ Карма О.О. Очерк развития мануфактурной стадии промышленности в Эстонии / О.О. Карма // *Генезис капитализма в промышленности* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1963. – С. 150 – 186; Какх Ю.Ю. К вопросу о социально-экономическом характере так называемого периода барщинной аренды (вторая половина XIX века) в истории Эстонии / Ю.Ю. Какх // *Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. К восьмидесятилетию академика Н.М. Дружинина* / отв. ред. С.Д. Сказкин. – М., 1965. – С. 359 – 377.

²⁰ Кортес А.Б. Экономическое развитие Латинской Америки (основные проблемы) / А.Б. Кортес / пер. с исп. А.Ф. Рожкова, М.П. Шелепина; вступит. статья Ю.Я. Ольсевича; ред. Ю.В. Бородин. – М., 1963. – С. 115.

²¹ Подробнее о феномене периферийного капитализма см.: Давыдов В.М. *Латиноамериканская периферия мирового капитализма* / В.М. Давыдов / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1991.

²² О подобных процессах подробнее см.: Lauritsen P., Mathiasen S.H. *Drawing development: Analysing local understandings of development in three Andean communities* / P. Lauritsen, S.H. Mathiasen // *Development in Practice*. – 2003. – Vol. 13. – No 1. – P. 27 – 39.

²³ Bossen L. *The household as economic agent* / L. Bossen // *Urban Anthropology*. – 1991. – Vol. 10. – No 3. – P. 287 – 303.

²⁴ Eversole R. *Balancing act: business and household in a small Bolivian city* / R. Eversole // *Development in Practice*. – 2002. – Vol. 12. – No 5. – P. 589 – 601.

²⁵ Александрова Е.А. Кризис экономической политики господствующих классов Аргентины и современные проблемы государственного сектора / Е.А. Александрова // *Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии* / отв. ред. П.Н. Бойко. – М., 1986. – С. 98 – 131; *Аргентина: тенденции экономического и социально-политического развития* / Арнедо Альварес Х., Л. Пасо и др.; отв. ред. В.В. Вольский; ред. П.Н. Бойко и др.; пер. с исп. И.Е. Шокиной, Н.В. Долженкова; библиогр. Ю.И. Хрунова и др. – М., 1980. – С. 55 –

189; Кондратьева Е.А. Роль государства в экономике Аргентины: противоречия и тенденции развития / Е.А. Кондратьева // Современная Аргентина: вопросы экономики, политики, идеологии / отв. ред. П.Н. Бойко. – М., 1986. – С. 56 – 97.

²⁶ Аргентина после Мальвин. Кризис социально-экономической системы и перспективы общественного развития / П.Н. Бойко, А.В. Гончаров и др.; отв. ред. В.В. Вольский; ред. П.Н. Бойко и др. – М., 1987.

²⁷ Романова З.И. Развитие капитализма в Аргентине / З.И. Романова / отв. ред. И.К. Шереметьев. – М., 1985. – С. 115 – 140.

²⁸ Об опыте и специфике индустриализации в Бразилии в исторической перспективе см. подробнее: Караваев А.П. Капитализм в Бразилии: прошлое и настоящее / А.П. Караваев / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1987.

²⁹ Пименова Р.А. Государственное региональное программирование в странах Латинской Америки / Р.А. Пименова // Государственное регулирование размещения производительных сил в капиталистических и развивающихся странах / отв. ред. В.В. Вольский, Ю.А. Колосова. – М., 1975. – С. 301 – 316.

³⁰ О восприятии феномена зависимости в бразильской научной традиции см.: Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития» / Н. Вернек Содре / сокр. пер. с исп. А.В. Старостина, общ. ред., предисл. А.П. Петрова, ред. Т.Г. Малютин, А.П. Королева. – М., 1976. – С. 45 – 47.

³¹ Фако Р. Бразилия XX столетия / Р. Фако / пер. с порт. Д.А. Дьяконова, В.В. Столярова; вступит. статья, ред. А.Ф. Шульговского. – М., 1962. – С. 133 – 140, 274 – 277.

³² О факторе пролетариата в истории Бразилии см.: Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857 – 1967) / Б.И. Коваль / отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1968.

³³ Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – С. 85.

³⁴ Лал Д. Возвращение «невидимой руки». Актуальность классического либерализма в XXI веке / Д. Лал / пер. с англ. М. Коробочкина, ред. А. Курилкин. – М., 2009. – С. 86 – 89.

³⁵ Отношение к марксизму в современном российском гуманитарном и общественном знании неоднозначно. См.: Иноземцев Вл. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории постэкономические тенденции в современном мире / Вл. Иноземцев. – М., 1998. – С. 67 – 92.

БОЛИВИЯ: РЕАЛИЗУЕМЫ ЛИ МЕЧТЫ О ПРИМИРЕНИИ?

В статье исследуется история вопроса морской изоляции Боливии; проводится анализ путей разрешения конфликта между Боливией и Чили, а также современной ситуации этой морской проблемы. В работе особое внимание уделяется исследованию возможных перспектив нахождения консенсуса между двумя странами по урегулированию этого спорного вопроса.

Ключевые слова: Латинская Америка, Боливия, Чили, морская проблема, Эво Моралес, Себастьян Пиньера

In the article the historical background of sea isolation of Bolivia is investigated; the analysis of ways of resolution of this conflict between Bolivia and Chile is scrutinized and also modern situation of this sea problem. In work the special attention is paid to research of possible prospects of finding of consensus between two countries for settlement of this controversial question.

Key words: Latin America, Bolivia, Chile, sea problem, Evo Morales, Sebastián Piñera

На сегодняшний день Боливия является самой бедной страной Южной Америки, хотя в то же время самой богатой в культурном смысле. В многонациональном государстве Боливии по-прежнему продолжает доминировать индейское население, поэтому более половины жителей страны продолжает сохранять свои давние традиции и веру. "Тибет Южной Америки" – так называют Боливию, являясь столь многоликим и многонациональным государством¹, продолжает оставаться самым изолированным в Латинской Америке. Уже более ста лет Боливия задыхается от изоляции и отсутствия собственных портов на Тихом океане.

Однако так было не всегда, более ста лет назад Боливия обладала береговой линией длиной около 400 километров с 7 портам, но затем ситуация в корне изменилась. Сегодня боливийское правительство пока безуспешно пытается решить, пожалуй, один из самых ключевых вопросов внешней политики государства. А именно, речь идет о территориальных претензиях к правительству Чили. Вековая проблема отсутствия собственного выхода к морю у Боливии приобретает все более острый характер.

Исторически, Боливия имела свой выход к морю, но в результате Второй Тихоокеанской войны (1879-1884 гг.), развернувшейся из-за попыток Чили завоевать значимые месторождения селитры в перуанской и боливийской частях пустыни Атакамы, которые принадлежали Чилийской селитряной компании. В итоге этой войны в 1884 году в Вольпасарио Боливия подписала договор с Чили, по которому

лишилась области Антофагаста, являвшейся единственным выходом страны к морю.

Затем, в самом начале XX века, а именно в 1904 году, между двумя странами был подписан закрепительный договор, но с одним условием, что Чили обязуется предоставить Боливии для выхода в Тихий океан небольшой «коридор». Но этот пункт договора так и остался лишь на бумаге. Со временем напряжение между двумя странами только возрастало, и в 1978 году между ними были разорваны дипломатические отношения.

Спустя век, эта проблема так и не нашла рационального решения, но в 2006 году левоцентристским правительством Чили президента Мишель Бачелет был разработан меморандум из 13 пунктов, один из которых все же касался столетнего требования Боливии относительно долгожданного выхода к морю. Но в январе 2010 года к власти в Чили за последние 50 лет приходит кандидат от «правых» Себастьян Пиньера. Новое правительство решило не разделять инициатив прошлого левого режима касательно этой проблемы и в результате это приводит к повторению стагнации морского конфликта.

Однако, с приходом к власти в 2006 году решительного политика левого толка Эво Моралеса (создатель партии «Движение к социализму» - *Movimiento al Socialismo*) Боливия все чаще и громче начала заявлять о своих вековых претензиях. Боливийский лидер пытается делать все возможное, чтобы вопрос о морской изоляции сдвинулся с мертвой точки. После отказа чилийского правительства правого толка от разрешения этой проблемы, 20 октября 2010 года Эво Моралес подписал договор с Перу, по которому Перу обязалась предоставить небольшой участок прибрежной территории в аренду на 99 лет для строительства порта. Таким образом, спустя 127 лет Боливия наконец получила долгожданный «глоток воды».

В последние несколько лет Боливия проводит масштабную кампанию для обоснования своих морских претензий к Чили. С этой целью Эво Моралес создал специальный орган – Управление по морским претензиям Боливии (*la Dirección de Reivindicación Marítima de Bolivia – Diremar*), основной задачей которого станет проведение скоординированных мер, выдвижение предложений, а также претворение в жизнь инициатив боливийского правительства для достижения выхода к Тихому океану. Инициатором этой кампании стал вице-президент Боливии Альваро Гарсиа Линера, который в декабре 2012 года в Барселоне обрушился с резкой критикой в адрес чилийского правительства: «В то время как латиноамериканцы стремятся к интеграции, Чили ведет себя как плохой соседский мальчик (в ис-

панском языке слово "chile" — мужского рода), как недоброжелательный сосед, провокационный, агрессивный, создающий конфликты, препятствующий процессу континентальной интеграции. Мы будем обходить страну за страной, чтобы показать, что Чили — плохой сосед, государство-агрессор, которое не ищет диалога и не дает выхода к океану стране, рожденной с морем»². Также еще в конце 2011 года президент многонационального государства Боливии пообещал обратиться в Международный суд ООН в Гааге.

Несмотря на нападки со стороны крайне левого боливийского лидера, на глазах мировой общественности Чили все же сохраняет спокойствие, и даже дает понять, что конфликта между двумя странами и вовсе не существует. В своих заявлениях правое правительство высказывается, что в отношении Боливии, Чили продолжает руководствоваться положениями от договора 1904 года, по которому закреплено свободное перемещение боливийских товаров через чилийские порты на Тихом океане, что в полной мере и обеспечивает Чили. Министерство иностранных дел Чили в ответ на пламенную речь боливийского вице-президента вообще заявило, что не имеет никаких территориальных споров с Боливией.

К тому же существует и другая сторона медали этого напряженного конфликта между двумя странами. Если оценить последние заявления и действия по морской проблеме Эво Моралеса, без труда можно увидеть, что постепенно аппетиты боливийского лидера растут. Если в начале своего президентского правления он высказывался о получении доступа к портам Чили на Тихом океане и добивался предоставления Боливии «коридора» к морю, теперь же все чаще крайне левый президент требует отмены положений договоров от 1884г. и 1904г. и возвращении Боливии полного суверенитета над территорией Антофагасты.

Последним заявлением о своих морских претензиях на глазах у мировой общественности стало выступление боливийского лидера на заключительном заседании саммита Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC - Comunidad de Estados de Latinoamérica y el Caribe), прошедшем 26-27 января нынешнего года в столице Чили. Многие наблюдатели заметили, что до этой ожесточенной дискуссии между лидерами двух стран, выясняющих вековую проблему в который раз, диалог напоминал скорее диалог «глухих». На этот раз Эво Моралес заявил, что Боливия претендует в полной мере на территорию региона Антофагасты, которая была утрачена «в результате несправедливости и насилия», говоря о Второй Тихоокеанской Войне, а также отметил несоблюдение Чили ряда

пунктов по договору 1904 года, а именно о предоставлении Боливии своих портов. «Чили не может игнорировать права Боливии и продолжать географическую изоляцию страны, навязанную ей силой», - сказал он.³

На данный момент многонациональное государство Боливия хоть и считается одним из беднейших в Латинской Америке, тем не менее, производит нефть, газ и цветные металлы. Однако транспортировка этих полезных ископаемых крайне затруднена и эксплуатация достаточно дорога, в настоящий момент Боливия может использовать лишь порт, арендованный ею у Перу. "Но выйти на уровень мировой торговли Боливия не может именно из-за отсутствия выхода к морю", — заявил в своём интервью деловой газете "Взгляд" заместитель директора Института Латинской Америки РАН Владимир Сударев⁴. Для страны отсутствие выхода к океану является болезненным также по причине того, что Боливия имеет свои собственные военно-морские силы, в состав которых входит даже подразделение морской пехоты. Но без собственного выхода к морю, государство не может полноценно выйти на международную арену и заявить о себе.

В то же время стоит отметить, что и правое правительство Чили должно быть заинтересовано в налаживании добрососедских отношений с Боливией. "Чили страдает от недостатка электроэнергии, а в соседней Боливии газа столько, что с лихвой хватит на всю Латинскую Америку. Тем более, несколько лет назад проводился опрос чилийского населения, и 60% из них высказались за то, чтобы пустить к морю", - отмечает Владимир Сударев. Эво Моралес также недвусмысленно предлагал правому правительству Чили обменять «воду на газ», но чилийский лидер Себастьян Пиньера в ответ лишь заявляет о том, что уважает принятые ранее соглашения между двумя странами, а также подчеркнул своё намерение пойти до конца в продвижении интересов своего государства: «Я буду защищать со всей силой мира нашу территорию, наше море, наше небо и наш суверенитет».⁵

Стоит также отметить, что многие политологи склоняются к тому, что ситуация с вековым неразрешенным конфликтом между двумя странами может принять другой оборот лишь в том случае, когда к власти в Чили вновь придёт правительство левого толка. А шансы такого поворота событий достаточно велики. Ведь прошлый президент от левоцентристского крыла Мишель Бачелет, оставила своё кресло лишь по причине того, что по Конституции Чили от 11 марта 1981 года президент, являющийся по совместительству и главой правительства, избирается населением на четырёхлетний срок, без права

повторного переизбрания. Следующие выборы в Чили состоятся в 2014 году, и по опросам населения можно смело утверждать, что левые силы с большой вероятностью смогут одержать победу. По опросу, проведенному в ноябре 2012 года чилийской газетой *La Tercera*, около 42 % чилийцев заявили, что если бы выборы состоялись сегодня, то они отдали бы свой голос за прошлого левоцентристского президента Мишель Бачелет, в свою очередь кандидат от правящей партии получил бы всего 15 %.⁶

Так или иначе, сегодня у власти в Чили впервые за последние 50 лет находятся правые силы во главе с президентом Себастьяном Пиньерой, которые не намерены в скором времени выйти из тупика по морскому вопросу. Чили не намерена поступиться своей территорией и суверенитетом, как того бы хотел боливийский лидер. Эво Моралес в скором времени грозит передать дело о возвращении Боливии прибрежной территории Антофагасты в Международный суд ООН в Гааге, но при таком раскладе не стоит рассчитывать на быстрое разрешение этого вопроса, да и вообще заявлять о положительном исходе этого дела можно лишь с малой долей вероятности. Стоит лишь надеяться на изменение ситуации и на более благоприятную расстановку политических сил в Чили. Неизвестно на какие еще отчаянные шаги по выходу из морской изоляции пойдет боливийский лидер, но девиз многонационального государства Боливии «Единство дает силу!» («¡La unión es la fuerza!») должен стать его путеводной звездой.

---

¹ На территории Боливии проживают: индейцы – 55 % (в основном кечуа и аймара), метисы – 30 %, белые – 15 %.

² Wilson José Miguel. *Bolivia anuncia campaña internacional para acusar a Chile de "vecino agresivo"*: [Электронный документ] // *La Tercera* (<http://www.latercera.com/noticia/politica/2012/12/674-500823-9-bolivia-anuncia-campana-internacional-para-acusar-a-chile-de-vecino-agresivo.shtml>). (Проверено 11.02.2013).

³ Президент Боливии обвинил США в государственном терроризме: [Электронный документ] // *Взгляд*. (<http://vz.ru/news/2012/9/27/599996.html>). Проверено 12.02.2013.

⁴ Владимир Петрович Сударев – зам. директора по научной работе ИЛА РАН, профессор, д.п.н.

⁵ Wilson José Miguel. *Bolivia anuncia campaña internacional para acusar a Chile de "vecino agresivo"*: [Электронный документ] // *La Tercera* (<http://www.latercera.com/noticia/politica/2012/12/674-500823-9-bolivia-anuncia-campana-internacional-para-acusar-a-chile-de-vecino-agresivo.shtml>). (Проверено 11.02.2013).

⁶ *La Tercera*: [Электронный документ] // *La Tercera* (<http://www.latercera.com/>). Проверено 11.02.2013.

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КРИТИКА

ЗЛОЙ ГЕНИЙ ВЕНЕСУЭЛЫ*

Интервью венесуэльских оппозиционных политологов –
Луиса Альберто и Хосе Альберто Лопеса Рафасчиери

Президент Уго Чавес – злой гений Венесуэлы. Он сделал со страной все, что хотел. Вы сегодня можете узнать страну в которой вы родились?

Венесуэла была демократической, но в настоящее время управляется деспотическим социалистическим правительством, это означает недостаточность возможностей, сокращение гражданских прав, чрезвычайную коррупцию на государственном уровне, волны эмигрантов и президента без каких-нибудь ограничений. В стране Чавеса практически все общественные институты и ведомства венесуэльского государства находятся под контролем одного «владельца». Даже в вооруженных силах офицеры, здороваясь, говорят лозунг PSUV (исп. Partido Socialista Unido de Venezuela – Объединенная социалистическая партия Венесуэлы), то есть партии Чавеса. Как будто учреждения, которые раньше принадлежали Венесуэле, отныне приватизированы для исключительно монопольного использования Чавесом. Безусловно, это – другая страна, которая не является лучше.

Почему Уго Чавес единолично решил, что Венесуэла нуждается в кубинской модели социализма?

Потому, что этот тот стиль управления, при помощи которого он может сохранять власть на протяжении неопределенного времени. Это идеальная идеология для деспотического проекта. Социалистическая олигархия способна сберечь власть навсегда, утверждая, что она работает для того, чтобы построить новое общество, как в Советском Союзе или на Кубе Фиделя Кастро. При условии сохранения демократии вы не сможете этого сделать.

Каковы наиболее важные ошибки Уго Чавеса?

Во-первых, его отношение к людям. Он неспособен слушать других, особенно, если кто-то имеет отличные от него мысли. Это самая частая ошибка экстремистов.

---

* Злий геній Венесуели // Український тиждень. – 2010. – 25 червня. – (<http://tyzhden.ua/Publication/4604>).
Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

Во-вторых, его предложения. Венесуэла имеет очень серьезные проблемы, включая гиперинфляцию и рост преступности. В нашей стране большинство людей является бедными, и они сталкиваются с многочисленными формами отбирания того, что им принадлежит, и социальной изоляции. Однако странным является решение, предложенное нынешним правительством. Президент Венесуэлы Уго Чавес убежден, что наилучший способ решения проблем Венесуэлы и Латинской Америки заключается в становлении президентства, которое потенциально может продолжаться бесконечно, в соответствии с принципами тоталитарного социализма.

Эта идея пожизненного президентства, как правило, предлагается для стран третьего мира, где существуют слабые общественно-политические институты. Неопределенность с переизбранием уже была апробирована в Латинской Америке и всегда имела грустные последствия. Фидель Кастро, Фухимори, Норьега и Пиночет в свое время отстаивали подобные неприсущие Америке планы для того, чтобы оправдать свои тиранические претензии, и мы знаем о последствиях.

И, в-третьих, его методы. С того времени, как Чавес пришел к власти, его правительство стремилось запугивать противников. Чавесисты использовали обиды, расовую дискриминацию, угрозы, занесение в черные списки, закрытие независимых СМИ, судебные преследования, лишения свободы, нарушения прав человека, налоговые санкции, создание вооруженных банд, токсичные газы, избиения, и наконец бесконечную политику репрессий и насилия, что теоретически должно было бы уже запугать население.

Но в случае с Венесуэлой 10 лет репрессий со стороны государства не привели к желаемому эффекту, которого ожидали от оппозиции: в 2007 году. Народ сказал «нет» на референдуме, где предлагалось превратить Венесуэлу в социалистическое государство. В 2008 году избиратели наказали Чавеса, не выбрав его сторонников в важнейших регионах Венесуэлы. В 2009 году Чавесу удалось выиграть, проведя поправки в Конституцию, но после этого международная пресса стала полностью недоброжелательной в отношении Чавеса. Антиправительственные протесты обрели всеобщий характер, а оппозиция сегодня является многочисленнее, чем когда-либо.

С его агрессивной напыщенностью, театральными жестами и сомнительными шутками президент Венесуэлы Уго Чавес за последние 11 лет превратил себя в одного из наиболее узнаваемых и противоречивых правителей мира. Как в Венесуэле воспринимается такой «уникальный» международный имидж Уго Чавеса?

Венесуэла разделена на три большие группы. Сторонниками Чавеса он видится, как национальный герой, который решит все проблемы. Для оппозиции Чавес – диктатор, который разрушает страну. И на «ni-nis» (тех, кто не поддерживает ни Чавеса, ни оппозицию), считая эти обе группы экстремистами. Однако на практике их голоса переходят сторонникам Чавеса.

Чавес утверждает, что создал жизнеспособную альтернативу либеральной демократии...

Мы должны оценивать результаты: инфляция в Венесуэле 30%, сотни венесуэльцев эмигрируют в США или Европу. Когда Чавес пришел к власти в Венесуэле было больше чем 12 тысяч крупных предприятий, сегодня их меньше чем 3 тысячи. Когда Чавес получил власть, венесуэльский обменный курс к доллару США составлял 600 боливаров за доллар, современный курс – 4300 боливаров за доллар. Около 100 человек погибают еженедельно в Венесуэле в результате уличной преступности. Все государственные полномочия находятся под контролем одной политической партии. Правосудие полностью политизировано – вас накажут, если вы – сторонник оппозиции, но, если вы чавесист – вы сможете избежать наказания. Иностранцы – в особенности кубинцы – непосредственно влияют на ситуацию в Венесуэле. Действующие и бывшие офицеры занимают должности в венесуэльской государственной администрации. Страна разделена на две группировки, которые ненавидят друг друга, подобно врагам

Президент Чавес приносит для собственной страны большие убытки Его «социализм XXI века» является сомнительной конструкцией.

Социализм XXI века тот же, как и старый социализм, лишь с новыми действующими лицами и демократическим имиджем в виде частых выборы. Но демократия не только в выборах, но и в законах, правах человека и изменении власти. Это подобно разговору в XXI веке о рабстве или нацизме в XXI веке...

Венесуэльцы переживают снижение реальной заработной платы, хроническую нехватку основных товаров (недавно к этому добавилось и мясо) и ежедневное отключение электроэнергии. Это тоже «социализм XXI века»?

Безусловно, что в этом нет ничего нового для социализма. Мы должны помнить старую цитату: «Если бы коммунисты отдали пустыню Сахара, то там начался бы дефицит песка». Венесуэла имеет большой энергетический потенциал и является пятой по объемам нефтяного экспорта страной в мире... Венесуэла имеет наибольшие во всем западном полушарии запасы легкой и тяжелой сырой нефти. Эта

страна также имеет возможность для выработки электроэнергии гидроэлектростанциями и солнечного излучения на протяжении всего года. Но если руководят социалисты, то вы должны ожидать дефицит энергии, даже в Венесуэле. Не является секретом ни для кого, что президент Чавес тратит миллиарды долларов на вооружение. Эти деньги, учитывая и многие другие потребности Венесуэлы, полностью могли бы быть потрачены на улучшение энергетической системы страны.

Согласно источникам российской газеты «Правда», по оценкам, общая стоимость контрактов на вооружение между Уго Чавесом и Кремлем достигнет к 2012 годов 30 миллиардов долларов. Невероятно, но это больше, чем стоимость строительства дамбы «Три ущелья» в Китае, стоимость которой составляет приблизительно 25 миллиардов долларов, и генерирующая мощность в 100 млрд. кВт-ч в год, которая является самой большой гидроэлектростанцией мира.

Если бы Чавес использовал то, что было потрачено на российское оружие на разработку национальных энергетических программ, мы не чувствовали бы тяжелого энергетического кризиса. Это приводит в чувство замешательства, но это реальная Венесуэла Чавеса, бедная страна, которая погружается в страшный кризис власти, которым правит клика коммунистов... Как и на Кубе, социализм нормирует благосостояние, но не гонку вооружений.

Выбор между Чавесом и демократией – это сложный выбор?

Он является очень простым, мы отдаем преимущество результатам демократии. То, что предлагает Чавес являются теми же проблемами, которые наблюдались в прошлом в Латинской Америке: милитаризм, популизм, левый экстремизм и автократия. Существует пример Чили. Хотя некоторые правительства Латинской Америки пытаются вернуться в прошлое, Чили недавно вступила в Организацию экономического сотрудничества и развития, интегрируясь с группой стран, которые считается в мире наиболее развитыми.

Интересно, что Чили сделала это раньше, чем Венесуэла, учитывая, что страна Чавеса имеет намного более большой ВВП, а экономика Венесуэлы является вдвое больше, чем в Чили. Но для этого интеграционного объединения не только важно, чтобы была развитая экономика, также важно наличие и сильных демократических институтов, независимых центральных банков, крепкого частного сектора, передовой правовой системы, стабильной экономики...

В настоящее время две политические модели обсуждаются в Латинской Америке: экстремистский стиль Чавеса или умеренный путь, как в Чили. Этот последний работает лучше и в наиболее развитых странах мира.

Общественное мнение все еще имеет значение в Венесуэле?

Да, в некоторых случаях Чавес был вынужден приостановить свои радикальные реформы благодаря общественным беспорядкам, однако в конечном итоге он находил способ реализовать свои изменения.

В 2012 году Венесуэла столкнется с тяжелым выбором: Чавес или демократия?

Если Чавес опять победит в 2012 году, то он будет проводить все реформы, нацеленные на установление коммунистического режима, поэтому, несомненно, страна потеряла бы свою демократию. В этом случае мы считаем, что Венесуэла была бы похожей на Кубу или Беларусь. Экономическая система была бы полностью национализирована с сохранением небольшого пространства для микрочастной собственности. А политически мы бы имели пожизненного президента и приватизированную бюрократию в руках Чавеса.

Что в Венесуэле думают о том, закончится ли правление Чавеса мирно или нет?

Венесуэла имеет правовые механизмы, чтобы сдерживать Чавеса, но теперь они находятся в нечестных руках. Необходимо будет определенное время, чтобы вернуть эти полномочия демократическим путем, однако в конце концов этот путь является лучше. В конечном итоге, сторонники Чавеса достигнут пенсионного возраста, а вместе с этим и туда же отправится и социализм, а без этой народной поддержки режим Чавеса падет мирно.

ВЕНЕСУЭЛА: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПРАВ ЦИВИЛИЗОВАННОЙ НАЦИИ*

Летом 2012 года президент Венесуэлы Уго Чавес почти месяц находился на Кубе, где, по сообщениям государственных венесуэльских и кубинских СМИ, перенес две операции по удалению раковой опухоли и абсцесса в области таза. Оппозиционная пресса в Венесуэле, однако, подвергает сомнению официальные сообщения, считая действия Чавеса своеобразным перформансом, цель которого – повышение рейтинга в канун президентских выборов

Интервью венесуэльских оппозиционных политологов – Луиса Альберто и Хосе Альберто Лопеса Рафасчиери.

Очередные президентские выборы в Венесуэле запланированы на 2012 год. В стране соотношения чавесистов и античавесистов стабильно остается на уровне 60% до 40%. Могут ли выборы что-либо изменить?

Соотношение чавесистов и античавесистов отличается от показателей 60 на 40. По результатам последних выборов правительство поддержали 48% избирателей, тогда как оппозиция получила 52% народной поддержки. Следующие президентские выборы, очевидно, станут возможностью для политических изменений. Если бы выборы в Венесуэле были свободными от запугивания и принуждения, голосование за оппозицию радикально бы возросло.

Боливарианская революция выдвинула на повестку дня термины «империализм» и «социализм», вытянув их из тех мест, где эти «демонизированные чудовища» были обречены на упоминание лишь Фиделем Кастро и компанией...

Боливарианская революция позаимствовала термины «империализм» и «социализм» из советской школы пропаганды. Эти понятия не представляют собой ничего для венесуэльского народа. Реальными проблемами для нашего населения являются преступность, инфляция и жилье. Но Уго Чавес использует риторику «антиимпериализма» для того, чтобы заглушить отсутствие реальных мер, направленных на решение этих проблем и чтобы оправдать установление авторитарной политической системы в нашей стране.

---

* Венесуэла: відновлення прав цивілізованої нації // Український тиждень. – 2011. – 25 липня. – (<http://tyzhden.ua/World/27072>). Перевод с украинского языка М.В. Кирчанова.

Но международное положение чавесистской Венесуэлы совсем не является таким, которое имела Куба в шестидесятые годы прошлого века, имея поддержку Советского Союза?

Международная обстановка действительно отличается от той, что была во времена СССР. Но это совсем не означает, что левый популизм умер в Латинской Америке. Братья Кастро являются наиболее успешными диктаторами в регионе, и вы можете видеть таких лидеров, как Эво Моралес, Даниэль Ортега и Рафаэль Корреа, которые пытаются следовать политическому проекту чавесистов. Эти типы политических деятелей в нашем регионе настолько же распространены, как пингвины в Антарктиде. Кроме того, Китай, Россия и другие государства являются союзниками социализма XXI века.

Боливарианская революция в Венесуэле продолжает оставаться надеждой для бедных стран Латинской Америки?

Мы рассматриваем эту проблему в нашей книге «Большая рецессия и левые» (*La Gran Recesion y la Izquierda*), которая недавно вышла из печати. 12 лет назад было правдой, что Чавес казался «спасением» для многих людей, особенно тех, которые принадлежали к бедным социальным слоям. Однако Чавес сегодня уже не мечта, и не надежда. Его проект – это история политических неудач. Этот президент не способен улучшить качество жизни венесуэльцев. С 1999 года наши улицы стали более опасными, показатели нашей инфляции наихудшие на континенте и наши политические свободы уменьшаются. Может ли давать надежды правительство, когда его политика приводит год за годом к уровню инфляции в 25%? Если кто-то думает, что ответ будет позитивным и будет звучать «да», то в таком случае Веймарская республика была надеждой для бедных стран.

Чавес ощущает, что он постепенно теряет поддержку венесуэльского народа. Способен ли он удержать свою власть еще на протяжении длительного времени?

Чавес лучше нас знает, что он теряет поддержку. По этой причине он инициировал жилищную программу доступного жилья, которая называется «Mision Vivienda» («Миссия Жилье»), ожидая того, что этим новым обещанием он вернет себе популярность среди бедных слоев населения. Трудно прогнозировать, сколько времени он будет способен удерживать контроль над страной, однако ясно одно – он и дальше будет терять голоса и позиции в парламенте, в штатах и муниципалитетах. Поэтому, даже если он выигрывает президентские выборы,

то его партия все равно ощутит большие потери на выборах губернаторов и мэров.

Может ли объединенная оппозиция прекратить коммунистический эксперимент в Венесуэле?

В последние годы оппозиция обрела твердую почву под ногами. Политические партии из античавесистского лагеря имеют контроль наиболее стратегически важных должностей губернаторов и а значительной части Национальных собраний, которые были монополизированы режимом в прошлом. С 2006 года лидеры оппозиционных организаций поняли важность формирования единого блока, и демократические силы начали уравнивать политическое распределение власти в Венесуэле. Между тем, правящая партия постоянно теряет доверие избирателей. И нельзя считать иллюзией то предположение, что правительство (и его коммунистический проект) может быть побежден на следующих президентских выборах.

Болезнь Чавеса повлияет на баланс политических сил в Венесуэле?

На этот вопрос можно дать лишь полемичный ответ. На самом ли деле Чавес болен раком? Можем ли мы доверять официальной версии? В действительности ли это является избирательным цирком? По крайней мере, в отличие от других аналитиков, мы придерживаемся осторожной позиции относительно всех этих тайн. Сначала венесуэльское правительство объявляет о дискомфортных ощущениях в колене президента. Потом пелена дезинформации покрывает политическую сцену. Когда один из высших представителей правящей партии заявляет, что «Чавес не болен», а затем это заявление заменяется словами «Чавес имеет тазовый абсцесс, ничего серьезного». Через несколько дней после этого Чавес выступил по телевидению и признается, что выздоравливает от рака. Это создает туманное представление, которое не позволяет доверять ни одной выдвинутой версии правительства. Кроме того, президент выступает с длинными речами, делает упражнения и использует свое «волшебное воскресенье», как избирательный инструмент.

Что может произойти в Венесуэле после Уго Чавеса?

Институциональная часть венесуэльского государства была серьезно ослаблена на протяжении этих 12 лет социализма XXI века. Это один из основных приоритетов, которые будут рассматриваться новым правительством в процессе восстановления фундамента и прав

цивилизованной нации: уважение к частной собственности и свободе слова, разделение властных полномочий, политический плюрализм, рыночная экономика... В итоге авторитарная структура чавесистов будет заменена демократической моделью, воплощенной в нашей Конституции.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО БРАЗИЛОВЕДЕНИЯ

Максим КИРЧАНОВ

СОВЕТСКОЕ БРАЗИЛОВЕДЕНИЕ В 1960 – 1970-е ГОДЫ И ПРОБЛЕМЫ «БОЛЬШОГО» НАРРАТИВА

Автор анализирует проблемы генезиса бразильских исследований в СССР. Ранние работы советских историков проанализированы в статье. Бразильские исследования развивались под влиянием идеологизации. Советские историки в 1960 и 1970-е годы заложили фундамент для последующего развития бразильских исследований.

Ключевые слова: Бразилия, СССР, историография, латиноамериканистика, бразиловедение

The author analyses the problems of genesis of Brazilian Studies in USSR. Early works of Soviet historians are analyzed in the article. Brazilian studies developed under influencing of ideologization process. Soviet historians in the 1960s and 1970s established back-ground for further development of Brazilian Studies.

Keywords: Brazil, USSR, historiography, Latin American Studies, Brazilian Studies

Постановка проблемы. В последние годы изучение истории развития общественных, политических и исторических наук в советский период вошло в число актуальных задач гуманитарного знания в современной России. Гуманитарные исследования в России развиваются динамично: позади остались годы методологической ломки, связанной с отказом от советской модели; утвердился принцип методологического плюрализма; продолжаются активные теоретические поиски; утверждаются и активно используются принципы междисциплинарного синтеза.

На протяжении 1990 – 2000-х годов в гуманитарных и общественных науках в России сложились новые направления, возникли исторические школы. Тем не менее, сохраняется определенная инерция, унаследованная от советского периода, не преодолены окончательно некоторые негативные явления, связанные с советской моделью знания. При этом в развитии гуманитарных и общественных наук в России не наблюдается дискретности, по ряду направлений сохраняется преемственность, что, например, относится к современной российской латиноамериканистики. Комментируя специфику развития гуманитарного знания в современной России, крупнейший российский бразиловед Б.И. Коваль, ставит вопрос: «не слишком ли резко и поспешно мы в посткоммунистической эйфории переоценки ценностей отвернулись от недавней истории»¹. Это в определенной степени прида-

ет актуальность обращению к советскому наследию, советскому этапу в развитии бразиловедения. Исторически сам факт появления отечественной традиции изучения Латинской Америки и ее институциональное оформление – эти события связаны с советским периодом. Значительная часть ныне активно занимающихся наукой российских латиноамериканистов получила образование в СССР и начала делать свои первые шаги в науке в советский период. Многие современные российские специалисты в сфере латиноамериканистских исследований состоялись как ученые до 1991 года.

Преемственность поколений и необходимость изучения историографического наследия придает особую актуальность изучению основных проблем, направлений и особенностей развития латиноамериканистики в советский период.

Особым направлением в советской латиноамериканистике следует признать бразиловедение. Бразилия – не только уникальное в историческом и культурном плане государство. Бразилия – это и единственная португалоязычная страна в испаноязычной Латинской Америке. Кроме этого еще в советский период Бразилия успела войти в число динамично развивающихся стран, крупнейших экономик Южной Америке. Все эти факторы в совокупности делали актуальным изучение бразильской проблематики в советский период. Именно поэтому Автор полагает, что в Советском Союзе сложилась уникальная школа бразиловедения, которая по уровню своего развития не уступала западным *Brazilian Studies*, хотя и развивалась со значительными, присущими советской науке в целом, организационными и методологическими особенностями. Приступая к изучению советского бразиловедения, Автор далек от мысли как позитивной, так и негативной, отрицательной идеализации бразиловедческих штудий советских латиноамериканистов.

Тем не менее, во внимание следует принимать ряд факторов, которые оказывали существенное влияние на развитие бразильского направления в советской латиноамериканистике. Эти факторы таковы: значительная идеологизация как процесса изучения Бразилии, так и конечного продукта в виде статей, научно-популярной литературы, научных монографий; политизация научного знания, которое позиционировалось в качестве одного из инструментов достижения целей, которые ставились советскими политическими элитами – отсюда, связь советского бразиловедения с политической конъюнктурой; фактическая монополизация изучения бразильской проблематики в ИЛА АН СССР, а также нескольких университетских центрах (МГУ, ЛГУ); определенная оторванность советского бразиловедения от западной

науки, что было связано с политической спецификой развития СССР; тематическая ограниченность бразиловедческих штудий в СССР, что было связано с преимущественным изучением ряда тем (например, историей рабочего и коммунистического движения) – в подобной ситуации другие темы могли не изучаться вовсе или изучаться по остаточному принципу.

Несмотря на эти, как правило, негативные факторы в Советском Союзе сложилась своя уникальная и интересная школа изучения и исследования Бразилии – бразильской истории, политики, экономики и культуры – которая и будет пребывать в центре авторского внимания в настоящем исследовании.

1960-е годы. Рождение советского бразиловедения следует связывать с периодом 1960-х годов, когда появляются первые как обобщающие, так и специальные исследования, посвященные Бразилии. Вероятно, первой специальной работой о Бразилии, изданной в 1960-е годы следует считать книгу А. Аглина, о котором в аннотации сообщалось, что он – «кандидат исторических наук, изучающий современные проблемы стран Латинской Америки», а сама книга вышла в серии «Латинская Америка сегодня». Книга А. Аглина, изданная в 1963 году, стала одной из первых попыток ознакомить советского читателя с историей и спецификой экономического, социального и политического развития крупнейшей страны Латинской Америки к началу 1960-х годов.

К настоящему времени книга А. Аглина представляет исключительно историографический интерес, как этап интеллектуальной истории российского бразиловедения.

В работе А. Аглина содержится краткий очерк бразильской истории, написанный в соответствии с принятыми в СССР канонами жанра. Португальские колонизаторы критиковались за то, что «хищнически разграбляли месторождения золота и алмазов», негативно оценивался «класс помещиков». Британский историк Д. Томпсон подчеркивал, что «в эпоху национальных государств история обречена быть националистической»². В авторитарных режимах история претерпевала похожие трансформации, становясь в значительной степени идеологически выверенной. С другой стороны, позитивно интерпретировались «многочисленные восстания против колониальных властей». Отражение истории Бразилии в советском интеллектуальном дискурсе начала 1960-х годов было крайне фрагментированным и выборочным: имперский период практически не рассматривался. В отношении Империи констатировалось лишь то, что «власть принадлежала крупным

помещикам и реакционной буржуазии – врагам подлинной свободы народа и действительно независимого развития страны»³.

Многие оценки, которые А. Аглин давал в первой половине 1960-х годов политическим процессам и деятелям Бразилии, в значительной степени идеологически маркированы. Режим Жетулиу Варгаса им, например, оценивался как «реакционный» и «диктаторский». Исключительно негативно оценивалась деятельность в Бразилии иностранного капитала: «иностранцы захватили природные богатства Бразилии, подчинили своему контролю ее хозяйство, превратили страну в аграрно-сырьевой придаток развитых капиталистических стран, опутав цепями экономической и политической зависимости». А. Аглин усиленно культивировал образ Бразилии как полувисимой страны, подчеркивая, что «в Бразилии нет ни одной отрасли экономики, где бы американский капитал не пустил корни». В советском политическом воображении Бразилия фигурировала как крайне неблагополучная страна, а фавелы определялись советскими авторами как «истинное лицо капиталистического “прогресса”». Более того, по мнению советского бразиловеда, «монополии США грабят страну, расхищают природные богатства, препятствуют созданию национальной промышленности»⁴.

В целом для книги А. Аглина, посвященной Бразилии, характерен мощный антиамериканский контент. История, как подчеркивает Дж. Фридман, является «представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент»⁵. Советские авторы, которые в силу идеологических соображений культивировали в своих текстах особую антиамериканскую идентичность, создавали тексты в одинаковой степени научные и одновременно индоктринаторские. А. Аглин, например, подчеркивал, что «американский империализм и его внутренняя агентура – главное препятствие для независимого развития Бразилии, враг номер один бразильской нации». С другой стороны, А. Аглин пугал советских читателей тем, что «ежегодно из Бразилии за границу утекают горы золота, которое оседает в сейфах банковских домов Нью-Йорка, Лондона, Гамбурга». Книга А. Аглина была изданием в значительной степени идеологизированным. Именно поэтому автором особое внимание акцентировалось на противоречиях капитализма, социальных несправедливостях бразильского общества. А. Аглин особо подчеркивал, что экономические и природные ресурсы Бразилии «используются не в интересах народа, а служат обогащению кучки иностранных колонизаторов и реакционных помещиков и капиталистов».

Бразильские «помещики» на страницах книги А. Аглина пребывают под огнем постоянной критики. В частности А. Аглин писал, что на «помещиков» трудятся «босые, одетые в лохмотья батраки, из которых вряд ли хоть один может написать свое имя». Подобные нарративы, характерные для советской гуманитарной традиции начала 1960-х годов, указывают не только на крайний уровень идеологизации исторического знания, но и свидетельствуют о том, что советскими авторами, с одной стороны, в значительной мере завышался и преувеличивался уровень зависимости Бразилии от США, а, с другой, на изучение Бразилии переносились те формулировки («реакционные помещики» и т.п.), которые ранее были апробированы на анализе российской проблематики.

Это вело к тому, что история Бразилии намеренно и сознательно помещалась в прокрустово ложе идеологии, которая доминировала в советской историографии, что делало выводы практически каждого исследования идеологически предопределенными и заранее известными. В частности подчеркивалось, что правящие круги лишили «многих трудящихся возможности избирать высшие органы страны». В вину политическим элитам Бразилии (в определении А. Аглина – «латифундисты, крупные капиталисты, а также влиятельная католическая церковь») ставилось то, что они «закрывают народу путь к знаниям, надеясь затормозить пробуждение народных масс к сознательной борьбе против гнета эксплуататоров».

С другой стороны, внимание акцентировалось и на том, что «интересы трудящихся последовательно защищает» только «коммунистическая партия». Создание Коммунистической Партии в Бразилии советскими авторами воспринималось в качестве кульминации бразильской истории. Кроме этого искусственно преувеличивалось значение событий Октября 1917 года для Бразилии. Таким образом, усилиями советских латиноамериканистов создавался и формировался идеологически выверенный образ Латинской Америки, в том числе – и Бразилии как страны социально и экономически несовершенной. Кроме этого на Бразилию переносились многочисленные клише, характерные для советской модели гуманитарного знания. В частности А. Аглин утверждал, что у бразильского народа, ведомого Коммунистической Партией, есть два врага – «империалистические монополии США» и «помещики-латифундисты», но при этом у Бразилии нет иного пути кроме того, который предлагают бразильские коммунисты. В связи с этим А. Аглин патетически писал, что «борьба в Бразилии еще не окончена. Народным массам предстоят нелегкие битвы против

реакции... но будущее принадлежит силам мира, прогресса и демократии».

В целом, восприятие истории и современности (для первой половины 1960-х годов) Бразилии в книге А. Аглина в значительной степени было интегрировано в советский канон гуманитарного знания. Восприятие бразильской тематики советскими авторами, которые занимались изучением Латинской Америки, было крайне идеологизировано. Именно поэтому в книге А. Аглина особое внимание было уделено критике и разоблачению социальных и экономических противоречий. В этом отношении текст А. Аглина – одна из многочисленных попыток сформировать образ врага для массового потребления – негативный образ как собственно бразильского капитализма, так и США, на которые возлагалась ответственность за существование и сохранение капиталистических порядков во всем мире.

При этом, несмотря на значительный уровень идеологизации, наличие многочисленных идеологических клише, навязчивых попыток автора интегрировать бразильскую специфику в доминировавшие в Советском Союзе идеи о неправильности и изначальной порочности капитализма, книга А. Аглина стала одной из первых специальных работ, изданных в СССР и посвященных Бразилии. Анализируя роль и значение книги А. Аглина, во внимание следует принимать и то, что многие его идеи так не и получили развития в дальнейшем, были пересмотрены как сугубо политические и не соответствующие нормам проведения научных исследований. Тем не менее, работа А. Аглина стала стимулом, который имел важное значение для дальнейшего оформления и последующего развития советского бразиловедения.

«Большой» нарратив в 1960-е гг. Особую роль в развитии советского бразиловедения играли обобщающие работы. Несмотря на территориальный масштаб Бразилии как самого большого государства Южной Америки, ее несомненный экономический и политический вес, ее растущий потенциал, число обобщающих исследований о Бразилии было крайне незначительным. В СССР вышли всего две работы, посвященные истории Бразилии и претендующие на обобщающий характер. Разделы обобщающего плана содержались в многотомных изданиях, например – в «Истории литератур Латинской Америки» и «Истории стран Латинской Америки». Правда, реализация двух последних проектов началась уже на позднем этапе существования советской историографии. Классическими же с точки зрения норм и специфики советской модели исторического знания, вероятно, следует признать две книги, изданные в начале 1960-х годов. Речь идет об «Очерках истории Бразилии» (1962) под редакцией В.Н. Еромолаевой,

А.Ю. Слезкина и М.С. Альперовича и «Новейшей истории Бразилии» (1961) А.Н. Глинкина. Изданные в начале 1960-х годов эти работы стали не только классическими, но являлись и единственным источником информации самого общего плана об основных этапах и событиях бразильской истории для советского читателя и исследователя на протяжении почти тридцатилетнего периода.

Для советских «больших» версий истории Бразилии характерна линейность в сочетании с социально-экономическим подходом. Например, первые (и единственные) «Очерки истории Бразилии»⁶, изданные в 1962 году, строились по хронологическому принципу со склонностью авторов к изложению преимущественно социально-экономической истории.

Значительное внимание в обобщающих исследованиях уделялось колониальному периоду в истории Бразилии. Колонизацию Бразилии португальцами советские историки (используя ритуально необходимые цитаты на классиком марксизма-ленинизма) связывали почти исключительно с развитием капитализма и устремлениями европейских (в данном случае – португальских) феодалов и монархов захватить новые земли дабы подвергнуть их разграблению, а население – закреплению. Особое внимание (с целью формирования негативного образа колониального периода в бразильской истории) советскими историками акцентировалось на массовом истреблении португальцами индейцев, на «кровавой эпопее порабощения». В связи с этим подчеркивалось, что «жестокость в отношении индейцев торжественно санкционировалась церковью», а монахи-иезуиты воображались как люди, которые «не забывали корыстных интересов ордена и свои собственные выгоды». Позитивными фигурами в советском историческом воображении начала 1960-х годов кроме индейцев были еще и негры, которые, как утверждали советские историки, «с первых дней появления в Бразилии начали борьбу против рабства». Советские историки патетически декларировали, что «ничто не могло сломать волю негров и заставить их примириться с рабством». В то время, если негры и индейцы в советском историческом воображении описывались позитивно, то представители колониальной администрации и большинство политических деятелей колониального периода оценивались исключительно негативно. Советские историки категорически заявляли, что наличие в Бразилии «господствующих классов» стало основной причиной, которая «препятствовала прогрессу»⁷.

Движение за независимость и создание Бразильского государства также относились к числу тем, которые советские историки не могли обойти вниманием. Появление движения за независимость советские

историки связывали с исключительно социально-экономическими причинами, с появлением местной буржуазии. Другим фактором, который содействовал получению независимости, стал переезд в Бразилию (в результате французской оккупации Португалии) португальского короля и королевского двора. Особое внимание советские историки, описывая обретение Бразилией независимости, уделяли тому фактору, что ведущую роль в этом процессе сыграли представители политических элит. В связи с этим в советском политическом и историческом воображении появление в 1822 году независимой Бразилии в значительной степени было «неправильным» событием – советские историки не находили необходимой для легитимации любого процесса в советском политическом воображении революционной составляющей. В вину деятелям движения за независимость ставилось то, что они «были далеки от мысли осуществлять преобразования революционным путем, опираясь на народ»⁸.

Определенное внимание советские историки в начале 1960-х годов были вынуждены уделить истории Бразильской Империи, но в силу причин, вероятно, идеологического характера в «Очерках истории Бразилии» отсутствовал единый раздел, посвященный истории Империи: вместо него в издание были включены два раздела, которые искусственно разделяли историю Империи, которая, кроме этого, усилиями советских историков была сведена к социальной и экономической истории. По мнению ряда исследователей, «во все эпохи и в каждом обществе историография подчиняется политике»⁹. Не являлись исключением из этого универсального правила и исследования по истории Бразилии в СССР. Одной из особенностей советского восприятия Бразильской Империи было стремление историков 1960-х годов доказать отсталость и неправильность этого государства. Поэтому в историческом воображении Империя доминировала как недоразвитое и феодальное государство, что не помешало советским историкам найти в бразильской истории конца 1820-х – начала 1830-х годов элементы «революционной ситуации». В подобной ситуации история Империи (примечательно и то, что в советских изданиях «Бразильская Империя» писалась как «бразильская империя») в советском историческом воображении сводилась исключительно к антиимперским движениям (революционность которых советскими историками нередко в силу идеологических причин завышалась и преувеличивалась) и кризису империи. История Империи в 1850 – 1880-е годы с советским историческим воображением фигурировала почти исключительно как история «борьбы за отмену рабства» или «период упорной борьбы передовых слоев бразильского народа против рабства и монархии».

История Первой Республики в Бразилии также получила определенное отражение в большом советском историографическом дискурсе начала 1960-х годов. Советские историки были вынуждены признать, что первые «преобразования носили прогрессивный характер и явились сильным ударом по консервативным политическим институтам империи». Особое внимание в советской историографии акцентировалось на буржуазном характере бразильской государственности: например, подчеркивалось то, что Конституция 1891 года «закрепляла господство имущих классов», а в армии существовали «реакционные» настроения. В советском историческом воображении доминировал крайне негативный образ Первой Республики: советские историки, например, усиленно культивировали нарратив о «закабалении Бразилии иностранным капиталом». Единственным явлением, которое в советском историческом воображении, оценивалось позитивно стало развитие рабочего движения, роль которого советскими историками явно преувеличивалась.

Именно поэтому в советском историческом воображении особую роль играл нарратив о «подъеме революционного движения» и кризисе республики, которая определялась как «помещичье-буржуазная». Кризис республики советскими историками связывался с событиями октября 1917 года в России, которые, согласно официальной советской исторической мифологии, «открыли новую эру в истории человечества». Особая роль советскими историками приписывалась «передовым слоям бразильского общества», но одновременно подчеркивалось и то, что в Бразилии была велика роль «иностранного капитала», а для сельской местности было характерно «сохранение феодальных пережитков». Советские историки усиленно культивировали нарратив о полузависимом статусе Бразилии, полагая, что «английские и американские империалисты», используя противоречия в «буржуазно-помещичьем лагере» активно проникали в экономику страны. Советские историки и вовсе декларировали, что все правительства, которые существовали в Бразилии в начале XX века, «покорно выполняли волю господствующего класса и иностранного капитала», единственным явлением, которое их пугало, был только «подъем революционного движения трудящихся масс». Для советской модели исторического воображения самым важным событием в первой четверти XX века в Бразилии стало создание коммунистической партии. Анализируя это событие советские историки подчеркивали, что «создание марксистской политической партии знаменовало собой начало сознательной классовой борьбы бразильского пролетариата». Кроме этого позитив-

но оценивалось движение тенентисов, которые «впервые по-настоящему познакомились с жизнью народных масс».

Советские историки не могли обойти своим вниманием и такой принципиально важный этап в истории Бразилии как «эра Варгаса». Приход к власти Жетулиу Варгаса в 1930 году в советской исторической мифологии связывался как с кризисом капитализма, так и страхом правящих классов перед ростом революционного движения. В связи с этим советскими историками особо подчеркивалось и то, что «передовая часть рабочего класса во главе с коммунистической партией» постоянно увеличивала свое влияние. Что касается Ж. Варгаса, то его режим в целом оценивался негативно. Советскими историками подчеркивалось, что, придя к власти, Ж. Варгас сформировал правительство «исключительно из представителей крупной буржуазии и помещиков». Кроме этого Ж. Варгасу приписывалось то, что он установил в Бразилии «диктатуру буржуазии и помещиков», а в качестве его основных целей определялись борьба против «рабочего и революционного движения» и упрочение «путем насилия господства эксплуататорских классов».

Советскими латиноамериканистами в начале 1960-х годов была предпринята попытка написания и новейшей (для того периода) истории Бразилии. В этом отношении наибольшим достижением следует признать работу А.Н. Глинкина «Новейшая история Бразилии», которая хронологически охватывает события с 1939 по 1959 год. В теоретическом и методологическом плане книга А.Н. Глинкина, опубликованная в 1961 году, представляет собой неотъемлемую часть советской историографии, написанной в соответствии со всеми формальными и неформальными нормами и законами той модели исторического знания, которая существовала в СССР. Именно поэтому, новейшая история Бразилии в версии А.Н. Глинкина представляла преимущественно социально-экономическую историю. Тем не менее, текст книги, о которой идет речь, представляет значительный интерес в контексте интеллектуальной истории советской историографии, в особенности – бразиловедения.

В целом, как было уже отмечено выше, монография А.Н. Глинкина в большей степени посвящена социальной и экономической истории Бразилии, а структурным стержнем книги стала советская версия коммунистической идеологии. Исходной посылкой А.Н. Глинкина была идея о том, что Бразилия является «экономически зависимой страной» от «иностранным монополистического капитала». Роль иностранного капитала в бразильской экономике определялась советскими историками как «крайне реакционная», а об экономике страны в

целом латиноамериканисты предпочитали писать негативно. В частности, А.Н. Глинкин указывал на «тяжелое положение в сельском хозяйстве», «отсталости промышленности». В целом, А.Н. Глинкин полагал, что «иностранные монополии были одной из главных опор реакционного режима Варгаса», а «новое государство» оценивалось крайне негативно как «реакционная диктатура крупной буржуазии и помещиков» и «террористическая полуфашистская диктатура»¹⁰.

Особое внимание советскими исследователями Бразилии уделялось новейшей бразильской истории после завершения второй мировой войны и отстранения Жетулиу Варгаса от власти. В качестве самой правильной политической партии в советском историческом воображении фигурировала Коммунистическая партия, которая, как полагал, А.Н. Глинкин, использовала «ленинские принципы построения партии», развернув «большую работу по сплочению демократических сил»¹¹. При этом советскими историками констатировалось и то, что Бразилия после второй мировой войны стала жертвой «экспансии монополий США». Советская версия новейшей бразильской истории была чрезвычайно противоречивой: при всей критике режима Ж. Варгаса переворот, который привел к его свержению, советскими историками оценивался как «реакционный». Президент Дутра, который пришел к власти после Ж. Варгаса, позиционировался как «ставленник буржуазно-помещичьих кругов» и «махровый реакционер», политика которого «принесла новые лишения трудящимся массам».

Для советской историографии новейшей истории Бразилии был характерен высокий уровень идеологизации. Советскими историками культивировался нарратив о реакционности бразильских правительств, которые правили, начиная со второй половины 1940-х годов. В связи с этим А.Н. Глинкин полагал, что «правлящие круги Бразилии», состоявшие из «крупных помещиков и буржуазии», а также «реакционной военщины» при «поддержке США начали наступление на народные массы», проводя «политику террора и массовых репрессий». В советском историческом воображении культивировался миф о том, что элиты Бразилии, «составляя ничтожное меньшинство, люто ненавидели все передовое и прогрессивное», будучи «защитниками отсталого социально-экономического строя» и инициаторами «раздувания антикоммунистической истерии». В подобной ситуации Коммунистическая партия получала исключительно позитивные оценки, определяясь как «наиболее последовательный борец за интересы народа».

Особое внимание в рамках написания новейшей бразильской истории в СССР в начале 1960-х годов уделялось повторному пребыва-

нию у власти Жетулиу Варгаса с 1951 по 1954 год. В восприятии А.Н. Глинкина (которое в целом отражает основные тенденции развития и трансформации исторического знания в СССР) Ж. Варгас предстает как «ловкий политик», который «умело использовал методы социальной демагогии». В вину Ж. Варгасу советские историки ставили то, что тот во внутренней политике «провозгласил антикоммунизм официальной линией своего правительства», преследовал «прогрессивных деятелей рабочего движения», а во внешней – содействовал «колонизаторским планам», поддерживая «агрессию американского империализма в Корее». Из других политических деятелей, который попал в сферу внимания советского бразиловедения, был Жуселину Кубичек. В заслугу Ж. Кубичеку советские историки ставили то, что он защищал «государственную монополию на нефть», не принял «условия Международного валютного фонда» и расторг «неравноправные атомные соглашения с США». С другой стороны, в вину Ж. Кубичеку ставили то, что он проводил «политику уступок реакции и американскому империализму».

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать ряд факторов, связанные с развитием больших исторических нарративов, посвященных бразильской истории в Советском Союзе. Для советских обобщающих версий истории Бразилии характерны все родовые травмы советской историографии. В обобщающих изданиях, посвященных истории Бразилии, история этой страны предстает как преимущественно социально-экономическая и событийная. В подобной ситуации аналитическая составляющая исторического знания была сведена до минимума, но все события, которые попадали в сферу внимания советских историков, не только вписывались в преимущественно социальные и экономические координаты исторического знания, но оценивались в соответствии с неизменными положениями доминировавшей в СССР коммунистической идеологии. В подобной ситуации обобщающие исследования, посвященные истории Бразилии, становились не только нормативными (выводы были фактически известны заранее, а идеологически выверенные формулировки повторялись от одной монографии к другой), но и чрезвычайно фрагментарными. Несмотря на обобщающий характер работ, посвященных бразильской истории и опубликованных в СССР в начале 1960-х годов, история Бразилии на их страницах была не только неполной, но и сознательно выверенной и отформатированной таким образом, чтобы максимально соответствовать советскому идеологическому канону исторического знания. Подобные метаморфозы, которым в СССР подвергалась бразильская история, были не актуальны: аналогичная си-

туация была в целом характерна для исторических исследований в Советском Союзе в целом, где история была поставлена на службу коммунистической идеологии, в том числе – и история столь географически отдаленных государств как Бразилия.

1970-е гг. Важным этапом в развитии советского бразиловедения стали 1970-е годы и хотя число отдельных исследований посвященных Бразилии было не столь велико, тем не менее теоретическое и методологическое значение работ изданных на данном этапе не вызывает сомнения.

1970-е годы в развитии советской латиноамериканистики были открыты в... 1968 году – изданием книги Б.И. Ковалья «История бразильского пролетариата». Несмотря на то, что хронологически эта книга вышла в конце 1960-х годов, ее невозможно сравнивать с преимущественно политически выверенной и публицистической книгой А. Аглина, изданной пятью годами ранее – в 1963 году. Методологически и теоретически книга Б.И. Ковалья свидетельствовала о мощном прорыве, который пережила советская латиноамериканистика. Вместе с тем, выбор тематики диктовался в большей степени соображениями идеологического, а не научного плана. Поэтому (и принимая во внимание, что книга все-таки вышла в 1960-е годы) в настоящем разделе Автор остановится только на основных проблемах настоящего издания.

Особое внимание в своем исследовании конца 1960-х годов Б.И. Коваль уделили проблемам генезиса рабочего класса в Бразилии. настоящий вопрос в его концепции самым тесным образом переплетен с проблемами развития капитализма. Анализируя генезис капитализма, Б.И. Коваль, как и другие советские историки, в силу причин преимущественно идеологического характера, полагал, что этот процесс в значительной мере был отягощен сохранением в Бразилии на протяжении длительного периода самостоятельного политического развития монархии. Б.И. Коваль все же констатировал сложность как социальных институтов, так и процессов, которые протекали в Империи. О негативной роли коммунистической идеологии в развитии гуманитарного знания в целом и латиноамериканистики в частности в 2005 году написал сам Б.И. Коваль, который на протяжении длительного времени был в числе лидеров советского бразиловедения. В 2005 году он подчеркивал, что «в мировой исторической литературе – и буржуазной, и марксистской – накопилось фальшивых клише и даже грубых ошибок. Сложилась устойчивые стереотипы, которые не проясняют, а искажают историю»¹².

В частности, анализируя существовавшие в Империи институты, Б.И. Коваль определили их как «своеобразную переходную структуру многоукладного типа», которая сочетала в себе элементы как полуфеодалного, так и предкапиталистического мира. В целом, Б.И. Коваль полагал, что в подобной ситуации в Бразилии сложился «неоформленный конгломерат самых различных докапиталистических форм». С другой стороны, советские латиноамериканисты акцентировали внимание на том, что институт рабства, существовавший в Бразилии, в большей степени имел капиталистический характер в силу того, что «с самого начала развивался в теснейшей зависимости от складывающегося мирового капиталистического рынка»¹³. Изучение истории, по мнению исследователей, не ограничивается изучением только прошлого¹⁴, но и играет не менее важную политическую роль, которую выполняло и советское бразиловедение. Анализируя Империю в Бразилии Б.И. Коваль полагает, что после получения независимости «социально-экономические условия в Бразилии не претерпели каких-либо существенных изменений». Б.И. Коваль указывал, что для экономики Империи была характерна значительная степень зависимости от внешнего мира. «монокультурный характер экономики был рассчитан лишь на удовлетворение потребностей внешнего рынка»¹⁵, – подчеркивал Б.И. Коваль.

Помимо истории рабочего класса в XIX веке Б.И. Коваль особое внимание уделил бразильскому пролетариату в первой половине XX века. Будучи советским историком, Б.И. Коваль не смог избежать обращения к роли событий 1917 года в Бразилии. По сложившейся советской политической традиции и в соответствии с нормами советской исторической мифологии фактор октябрьских событий в значительной степени был преувеличен. Особое внимание было уделено Б.И. Ковалем и созданию Коммунистической партии (в марте 1922 года) в Бразилии. Это явление рассматривалось едва ли как не высшая точка в истории бразильского пролетариата. Именно поэтому все дальнейшие советские интерпретации истории пролетариата в Бразилии были партийноцентричными. Кроме этого вся история рабочего класса в рамках советских интерпретаций была сведена почти исключительно к классовой борьбе под руководством Коммунистической партии.

В целом, книга Б.И. Коваля была неотъемлемой частью советской идеологически выверенной латиноамериканистской традиции и ее появление в большей мере соотносилось не с потребностями развития исторической науки, а с требованиями проявления политической лояльности. Тем не менее, книга Б.И. Коваля стала значительным сти-

мулом для дальнейшего развития бразиловедческих исследований, которое они получили в 1970-е годы.

В 1970-е годы в СССР вышли новые научно-популярные работы, посвященные истории и современности Бразилии, которые были призваны, в том числе, и дополнить в методологическом плане устаревшую книгу А. Аглина, изданную в первой половине 1960-х годов. В этом контексте показательной следует признать книгу Б.И. Коваля «Бразилия вчера и сегодня», изданную в 1975 году в серии «Народы мира» под эгидой АН СССР.

Особое внимание в работе Б.И. Коваля, опубликованной в 1975 году, было уделено Бразильской Империи. Анализируя проблемы Империи, Б.И. Коваль, будучи скованным идеологическими ограничениями, следовал за теми схемами, которые доминировали в советской историографии. В частности, имперский период описывался и анализировался почти исключительно категориях социальной и экономической истории. Именно поэтому события начала 1820-х – конца 1880-х годов позиционировались почти исключительно как период развития, с одной стороны, капитализма¹⁶, а, с другой, антимоноархических движений. В рамках подобного восприятия истории в советском историческом воображении история Империи стала не историей империи, а историей антиимперского республиканского протеста. В этом отношении для советского бразиловедения был характерен своеобразный примордиальный республиканизм и почти полное отрицание какого бы то ни было значения в истории Империи.

Проблемы республиканского периода в истории Бразилии в работе Б.И. Коваля занимали гораздо больше места, чем сюжеты, связанные с историей Империи.

Анализируя историю первой республики в Бразилии (1888 – 1930) Б.И. Коваль, особое внимание уделил проблеме регионализации страны. По мнению советского исследователя, истоки регионализации имели социально-экономический характер, а сама регионализация содействовала появлению «местных буржуазно-помещичьих олигархий». С другой стороны, история «первой республики» фактически сводилась советскими исследователями к истории революционного движения. В частности именно поэтому Б.И. Коваль был вынужден писать об особом значении Октября 1917 года для Бразилии, уделять значительное внимание «пролетарской борьбе» и т.п. Среди всех этих движений особой популярностью в советской историографии пользовался тенентизм. Подчеркивая его прогрессивный характер, Б.И. Коваль, тем не менее, писал о том, что оно было преимущественно мелкобуржуазным и не было связано с «массами трудящихся».

Значительное внимание в советском бразиловедении уделялось правлению Жетулиу Варгаса – яркого политика, действия которого было не так просто интегрировать в советский канон исторического знания. Анализируя пребывание Ж. Варгаса у власти, Б.И. Коваль признавал, что именно на этом этапе имело место «превращение Бразилии в современное капиталистическое государство», а приход Варгаса к власти стал «сложным политическим явлением». Анализируя характер режима Ж. Варгаса, Б.И. Коваль подчеркивал его сложность и комплексность, указывая на то, что он являлся «сложным механизмом, идеологического, социального и административного маневрирования и контроля». Вместе с тем, Б.И. Коваль не смог не указать на то, что приход к власти Ж. Варгаса привел к «дальнейшему обострению и усложнению классовой борьбы и революционного движения». Рассматривая специфику режима Ж. Варгаса, Б.И. Коваль подчеркивал, что в его основе лежали как «традиции каудилизма», так и «введенная в ранг государственной политики идеологическая обработка масс с целью формирования конформистского общественного мнения». Что касается «Нового государства», Б.И. Коваль старался интерпретировать его максимально осторожно, указывая на неверность и невозможность его идентификации с фашизмом. В связи с этим Б.И. Коваль подчеркивал, что «Новое государство» следует оценивать как «оригинальное явление, особый тип политической системы общества в период первичного формирования буржуазного механизма власти».

1970-е годы стали важным этапом в изучении интегралистского движения, которое советскими бразиловедами воспринималось как «бразильский вариант фашизма». Анализируя генезис этого радикального правого движения, Б.И. Коваль указывал на его европейские истоки, полагая, что первые фашистские организации в Бразилии возникли в среде немецких и итальянских эмигрантов, а сам лидер интегралистов Плиниу Салгаду оценивался им как «реакционный журналист». Анализируя политическую программу интегрализма, Б.И. Коваль указывал и на то, что некоторые теоретики движения «весьма резко выступали против англо-американских монополий». При этом Б.И. Коваль в силу значительной идеологизации советского бразиловедения, все же подчеркивал, что интегралисты «рабски прислуживали германскому империализму» и «обосновывая свой антикоммунистический курс, интегралисты грубо и примитивно фальсифицировали действительность». В силу того, что интегрализм в советской латиноамериканистике воспринимался как форма фашизма, его социальная база оценивалась соответствующим образом и сводилась к «мелко-

буржуазным городским слоям, части служащих, рабочих мелких мастеровских».

Особое внимание Б.И. Коваль в 1970-е годы уделял изучению истории демократии в Бразилии с 1945 по 1963 год. Отстранение Ж. Варгаса от власти связывалось с усилением буржуазии, которая более не нуждалась в покровительстве со стороны авторитарного режима. Не менее важным в политической жизни Бразилии, как полагал в 1970-е годы Б.И. Коваль, стал фактор национализма, имевшего несколько проявлений, связанных с ростом стремления к полной национальной независимости и усилением бразильской буржуазии.

Проблемы военного переворота 1964 году и установленной после него диктатуры также принадлежали к числу центральных в советском бразиловедении 1970-х годов. Объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа¹⁷. Этот проект не может не быть связан с политикой. В подобной ситуации интерпретации различных событий прошлого, как правило, носят политизированный и идеологически выверенный характер. Не должно вызывать удивления, что сам переворот Б.И. Ковалем связывался со страхом буржуазии в контексте «укрепления единства левых сил». В оценке событий 1964 года в работах Б.И. Коваля немало идеологических клише, что совершенно естественно и неизбежно для советской исторической науки 1970-х годов. В частности, предполагалось, что «идейным вдохновителем и организатором переворота явились самые реакционные круги местной буржуазии и помещиков»¹⁸, а единственную альтернативу военному режиму составляет Коммунистическая партия.

Принимая во внимание многочисленные достоинства работы Б.И. Коваля, следует принимать во внимание и фактор той эпохи, когда она издана. В подобной ситуации была неизбежна политизация, а сама книга переполнена идеологически выверенными формулировками. Приведем несколько примеров. Описывая проблемы борьбы за независимость Бразилии, Б.И. Коваль констатировал, что «концепция буржуазных историков глубоко противоречит исторической правде. Борьба за национальную независимость была долгой и упорной». Некоторые формулировки Б.И. Коваля («пролетариат – самый последовательный борец против олигархии и империализма») носили сугубо идеологический характер, что в принципе было естественно для той эпохи. В этом контексте исследования Б.И. Коваля представляют особую ценность как составная часть интеллектуальной истории советской историографии, являясь одновременно и важным источником по истории научного языка в СССР. Появление подобных формулировок

в исследованиях, изданных до начала 1990-х годов, было неизбежно в силу значительной идеологизации научного пространства. С другой стороны, во внимание следует принимать и то, что они формировали оригинальный стиль советского бразиловедения, укрепляя его собственную идентичность.

Значение 1970-х годов для развития советского бразиловедения состоит в том, что именно тогда появились первые специальные исследования, посвященные современной бразильской истории и политике. Среди таких работ, безусловно, особое место занимает книга Ю.А. Антонова, изданная в 1973 году и посвященная роли Вооруженных Сил в бразильской политике.

Работа Ю.А. Антонова в значительной степени традиционна для советского обществоведческого дискурса 1970-х и несет в себе все родовые травмы советской историографии. Свое работе Ю.А. Антонов предпослал Введение¹⁹, написанное в лучших советских традициях с необходимыми в подобной ситуации ссылками на постановления Международного совещания коммунистических и рабочих партий (Москва, 1969) и работы В.И. Ленина, содержало и критику буржуазной историографии, в особенности – «буржуазной социологии», «оголтелого антикоммунизма», «откровенной апологетики» военного режима в Бразилии. Для работы Ю.А. Антонова 1973 года характерны и своего рода ритуальные констатации того, что только «бразильские коммунисты стремились учитывать сложность и противоречивость процессов», проходящих в стране в целом и в армии в частности.

Как и все советские исследователи Бразилии, Ю.А. Антонов указывал на «классовый» характер этой южноамериканской государственности²⁰, уделяя основное внимание истории вооруженных сил. Анализируя историю бразильской армии, Ю.А. Антонов наделил ее всеми добродетелями, которые были необходимы для советского историографического канона – армии приписывались антимонархические, прогрессивные и республиканские настроения, солдаты рассматривались едва ли как не первые носители прогрессивных левых идей в истории Бразилии. В связи с этим революционно настроенные солдаты и офицеры в советском политическом воображении фигурировали как лучшая часть армии. С другой стороны, идеи Ю.А. Антонова были не столь ортодоксальны, как может показаться на первый взгляд. Внимательный и вдумчивый читатель книги находил в ее частях (вне идеологически выверенных Введения и Заключения) те выводы, которые не совсем вписывались в ортодоксальную советскую модель знания о Бразилии. Ю.А. Антонов признавал, что движение те- нентистов начиналось как либерально-демократическое и мелкобур-

жуазное, то есть не было левым и, тем более, коммунистическим с самого начала, и лишь постепенно подверглось радикализации, что выразилось в появлении левого течения.

Кроме этого Ю.А. Антонов признавал, что «большинство тенентистов не верили в путь, избранный Престесом и его соратниками», что не совсем характерно для в значительной степени идеологизированной советской латиноамериканистики. В связи с этим образ Карлоса Луиса Престеса – одного из идеологов и теоретиков бразильского коммунизма – в исследовании Ю.А. Антонова – далек от образа пламенного революционного борца. Ю.А. Антонов, например, писал о его многочисленных политических колебаниях и определенной близостью к либерализму на раннем этапе. Особое внимание Ю.А. Антонов уделил позиции Вооруженных Сил в период правления Жетулиу Варгаса. С одной стороны, он указывал, что армия сыграла определенную роль в приходе Ж. Варгаса к власти.

С другой стороны, сам режим Варгаса в интерпретации Ю.А. Антонова хотя и признавался недемократическим, тем не менее подчеркивалось, что «Варгас и стоявшие за ним круги стремились провести буржуазно-националистические реформы, используя диктаторский режим для подавления сопротивления латифундистов и крупной буржуазии». Окончательное же смещение Ж. Варгаса в 1954 году позиционировалось в советской историографии как вмешательство США во внутренние дела Бразилии. В связи с этим Ю.А. Антонов подчеркивал, что «факты вмешательства империализма США в свержении правительства Варгаса несомненны». Кроме этого Ю.А. Антонов признавал, что к середине 1930-х годов в Бразилии не существовало реальной альтернативы Ж. Варгасу. С другой стороны, Ю.А. Антонов признавал, что в период правления Ж. Варгаса Бразилия «добилась значительных успехов в развитии промышленности и всего хозяйства». Более того, признавалось и то, что Варгас инициировал «проведение важных реформ» и осуществил «многие мероприятия, направленные на защиту национальных интересов».

В подобной ситуации в интерпретации Жетулиу Варгаса намечался определенный отход от политически выверенных и ортодоксальных определений, которые, например, характерны для работы А. Аглина, вышедшей в 1963 году. При этом следует принимать во внимание, что эти изменения носили поверхностный характер. Тем не менее, концептуально идеи Ю.А. Антонова в целом были глубоко интегрированы в советский историографический дискурс. В частности, комментируя события 1935 года, связанные с попыткой вооруженного восстания, Ю.А. Антонов писал, что они показали способность «про-

летариата и коммунистической партии привлечь на свою сторону революционные слои солдат в борьбе против империалистического гнета и международной реакции».

Особое внимание Ю.А. Антонов уделил процессу политизации Вооруженных Сил. Первые шаги, по его мнению, в этом направлении были сделаны Ж. Варгасом, а участие армии в его свержении в 1945 году и приход к власти генерала Дутры в значительной степени способствовали «политизации» армии. В вину сторонникам подобной политизации советские бразиловеды ставили то, что командование армии в Бразилии активно «поддерживало агрессивный курс североамериканского империализма на международной арене». С другой стороны, Ю.А. Антонов подчеркивал, что в бразильской армии существовало и альтернативное – националистическое – течение, сторонники которого выступали против «американского империализма» и были самым тесным образом связаны с «борьбой широких масс трудящихся, студенчества, представителей мелкой и средней буржуазии».

Подобные попытки минимизировать новейшую историю Бразилии до преимущественно социально-экономической истории или истории классовой борьбы были не уникальны в советских период и доминировали в отечественном бразиловедении в целом. Доминирование идеологически выверенных оценок в значительной степени отразилось и на интерпретациях военного переворота 1964 года. Ю.А. Антонов полагал, что переворот, с одной стороны, был связан с «изменением политической позиции национальной и мелкой городской буржуазии», а также с «глубоким кризисом социально-экономической структуры страны». Особую роль в перевороте 1964 года советские исследователи приписывали «империализму США».

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать ряд факторов. 1970-е годы стали важным этапом для развития не только советского бразиловедения, но и всей отечественной латиноамериканистики в целом. 1970-е годы стали периодом накопления новых данных, обретения опыта, появления оригинальных и интересных работ, посвященных в Бразилии. Именно в 1970-е годы (в работах Б.И. Коваля) были впервые предложены формулировки (например, в отношении режима Ж. Варгаса, «нового государства», интегрализма и т.д.), которые в советской латиноамериканистики стали доминирующими. С другой стороны, во внимание следует принимать и некоторые негативные тенденции, которые не только существовали в изучении Бразилии, но и были характерны для общественных наук в СССР в целом.

Изучение бразильской истории и тем более современности было идеологически выверено и маркировано. Советские латиноамериканисты сталкивались со значительными трудностями и ограничениями: подлинная свобода научного творчества отсутствовала, а выводы, полученные в результате исследований, следовало соотносить с идеологическими установками советского правительства и правившей Коммунистической Партии. Эти негативные тенденции давали о себе знать и в исследованиях, посвященных Бразилии: советские авторы были вынуждены искусственно завышать роль и значение коммунистического движения и левых сил, критиковать американский империализм и внутреннюю, бразильскую, реакцию. Тем не менее, исследования, опубликованные в 1970-е годы стали важным и неотъемлемым элементом интеллектуальной истории советского бразиловедения.

---

¹ Коваль Б.И. Трагическая героика XX века: судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005. – С. 10.

² Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

³ Аглин А. Будни и битвы Бразилии / А. Аглин. – М., 1963. – С. 17.

⁴ Аглин А. Будни и битвы Бразилии. – С. 22.

⁵ Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

⁶ Очерки истории Бразилии / под ред. В.И. Ермолаева и др. – М. 1962. Это издание стало первой и, к сожалению, единственной советской попыткой в одном томе представить обобщающую версию истории Бразилии. В эту коллективную монографию вошли главы, написанные Б.И. Ковалем, который позднее стал одним из ведущих советских бразиловедов.

⁷ Подробнее см.: Очерки истории Бразилии / под ред. В.И. Ермолаева и др. – М. 1962. – С. 11 – 64.

⁸ Очерки истории Бразилии. – С. 65 – 105.

⁹ Лінднер Р. Няўменнасць і змены ў гістарычнай графіцы Беларусі / Р. Лінднер // Беларусіка / Albaruthenica. – Мн., 1997. – Т. 6. – Ч. 1. – С. 114.

¹⁰ Подробнее см.: Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии (1939 – 1959) / А.Н. Глинкин. – М., 1961. – С. 3 – 24.

¹¹ Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии (1939 – 1959). – С. 99 – 106.

¹² Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. – С. 15.

¹³ Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857 – 1967) / Б.И. Коваль / отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М., 1968. – С. 27 – 35.

¹⁴ Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.

¹⁵ Коваль Б.И. История бразильского пролетариата (1857 – 1967). – С. 38 – 45.

¹⁶ Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня / Б.И. Коваль. – М., 1975. – С. 21.

¹⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.

¹⁸ Коваль Б.И. Бразилия вчера и сегодня. – С. 149.

¹⁹ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика (исторический очерк) / Ю.А. Антонов. – М., 1973. – С. 5 – 15.

²⁰ Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика. – С. 20.

КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

АЛЕЙДА ГЕВАРА: УВАЖАЯ ПРАВА ДРУГИХ*

– Алейда, возможно ли примирение между кубинцами на Кубе и в США?

– Да, но только с теми, кто хочет примирения. С теми, кто не заинтересован в развитии отношений с Кубой или с теми, кто просто зарабатывает на противодействии нашей революции, с теми, для кого это стало бизнесом – с такими примирение невозможно. Эти люди сами никогда не примут возможности установления отношения между США и Кубой. Что же касается остальных – они спокойно ездят на Кубу. Тут нет проблем.

– Почему США продолжают блокаду Кубы, хотя Советского Союза нет, а Куба прекратила экспорт Революции?

– Кубинское общество смогло доказать, что может жить иначе. Но для этого люди должны быть собственниками того, что они производят. Возьмем, например, Венесуэлу. Сколько раньше платили ей США за нефть? От 5 до 7 долларов за баррель. Сейчас Венесуэла продает нефть по рыночным ценам – это затронуло экономические интересы США. Раньше они чувствовали себя хозяевами Америки – словно мы были на задворках США. Когда латиноамериканские страны восстановили контроль над своими экономиками – это неизбежно затронуло экономику США. На протяжении многих лет они воровали, грабили наши ресурсы. Если Куба просто подает пример, показывая, что все может быть иначе, это не может не нравиться американскому правительству. США делают все возможное, чтобы задушить кубинский революционный процесс. Вот почему продолжается блокада.

– Куба опасна именно как пример?

– Если примеру Кубы будут следовать другие страны, особенно в Латинской Америке, это сильно ударит по американской экономике,

---

* Публикуется по: *Che Guevara's daughter: "Respect for differences is the basis of a healthy society"*. – <http://www.theprisma.co.uk/2012/09/23/aleida-guevara-respect-for-differences-is-the-basis-of-a-healthy-society/>.
Сокращенный перевод с английского М.В. Кирчанова

по интересам крупных транснациональных корпораций. Неолиберальная политика последних десятилетий основана на грабеже ресурсов – сейчас он производится изощренными способами, не так, как это происходило в эпоху колониализма... вот самый простой пример: в центре бразильских амазонских лесов имеется второе в мире по величине месторождение железной руды, которая добывается открытым способом. Я поставлю вопрос: необходимо ли человечеству железо? Да, конечно необходимо. Но что имеет большее значение для выживания человека: железо или кислород? Несмотря на очевидность ответа, мы продолжаем уничтожать амазонские леса и они никогда не восстановятся. Мы теряем последнее здоровое легкое планеты. И ради чего? Чтобы корпорации могли скупать руду, а затем взвинчивать цены и продавать нам товары?

Предположим, что Бразилия решила бы ренационализировать добывающие компании, и продавать свою руду по международным рыночным ценам. Или вообще решила закрыть шахты и прекратить добычу по причине ущерба инфраструктуре страны. Как подобный шаг затронет бизнес интересы тех, кто инвестировал миллионы долларов в шахты? Это их очень сильно беспокоит. Они оказывают на Кубу жесткое давление, чтобы она перестала подавать пример: когда люди объединяют свои усилия и решают изменить свою судьбу – у них может получиться и их уже никто не остановит.

– Кубинское общество поощряет уважительное отношение к другим?

– Меня часто спрашивают, почему я всем этим занимаюсь (моя деятельность врача, защита прав детей)? Не от того, что я дочь Че Гевары? Нет. Я ощущаю себя простой женщиной, которой есть что предложить нашему обществу, потому что меня воспитывал мой народ и моя революция... Тебя делает лучше само понимание необходимости обществу, к которому ты принадлежишь, защищаешь и в которое веришь. Это касается большинства кубинцев на Кубе. Мы убеждены, что современная Куба – это то, чего мы хотим и то, что нам нужно. Мы делаем все, чтобы улучшить свою страну. У нас немало проблем и они требуют решения...

– «Уважение к правам других – это путь к миру»....

– Так говорили Бенито Суарес и Хосе Марти. И эти слова записаны в нашей конституции: «El respeto al derecho ajeno es el camino a la paz».

– Как эта концепция применяется к диссидентам – к тем, кто не согласен с нынешним кубинским режимом?

– Я всегда говорила, что очень хотела встретить настоящего кубинского диссидента. Само слово «диссидент» означает человека, который мыслит по-другому – не так, как я, у нас с ним разные принципы, а это следует уважать – мы не должны мыслить однообразно и одинаково. Я не могу уважать человека, который говорит, что у него другие взгляды лишь только потому, что за ним кто-то стоит и ему за это платят. Когда вы получаете деньги от США, которые финансово поддерживает вашу позицию – тогда я вас уже не могу уважать... я не верю, что у вас вообще есть собственная позиция. Я думаю, что вы играете в определенную игру, чтобы сделать свою жизнь комфортнее. Вы просто продаете себя... я хотела бы встретить настоящего кубинского диссидента – человека, который говорит то, что думает сам и который сам по какой-то причине не принимает наш революционный процесс – не получая при этом ни доллара за свою позицию... мне так и не довелось встретить такого человека.

«МЫ НЕ НАЗЫВАЕМ НАШУ ПОЛИТИКУ РЕФОРМАМИ»^{*}

1 января 2012 года на Кубе отметили 53-ю годовщину победы Кубинской революции. Накануне этой даты Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Куба в Украине Феликс Леон Карбальо рассказал о новой экономической политике кубинского руководства, об украинско-кубинских отношениях, и о том, каким видится ему будущее своей страны.

– Мировые СМИ пишут сейчас о реформах на Кубе. Что представляют собой эти реформы?

– Во-первых, я хотел бы отметить, что мы не называем нашу политику реформами. Мы говорим о том, что Куба обустроивает, улучшает, модернизирует нашу экономическую модель. Это может казаться несущественным – но это важный для нас момент, поскольку мы не желаем разрушить то, что было с таким трудом построено в течение более чем пятидесяти лет революции. Мы только желаем улучшить нашу систему для повышения благосостояния нашего народа.

Некоторые меры, которые в свое время были оправданы, перестали быть актуальными в связи с изменением ситуации в мире. Это сложная ситуация – ведь давление со стороны США продолжается, экономическая блокада Кубы ужесточилась, а мировой финансово-экономический кризис очень сильно повлиял на нашу страну.

Приведу пример. Нашим главным экспортным продуктом является никель. До начала кризиса мы продавали тонну никеля за 54 тысячи долларов, тогда как сейчас цена упала до шести тысяч долларов – то есть, снизилась в девять раз. Туристов стало больше – но они дают экономике страны меньше денег, цена на сахар серьезно снизилась, продажи рома и табака тоже снизились. Поэтому мы испытываем серьезную проблему с деньгами и ликвидностью.

Эти факторы вынудили нас внести коррективы в нашу экономическую модель – хотя, конечно же, мы стараемся выйти из этой ситуации с наименьшими потерями для нашего народа. Принято решение сделать некоторые послабления в вопросе создания кооперативов и расширения частного сектора. Недавно были приняты финансовые программы по улучшению условий для развития малого бизнеса и частного предпринимательства. Из бюджета будут выдаваться кредиты, чтобы люди могли самостоятельно создавать свой малый бизнес. Лю-

---

^{*} Публикуется по: «Мы не называем нашу политику реформами». Беседовали: Андрей Манчук, Георгий Эрман, Владимир Чемерис. – (<http://liva.com.ua/felix-leon-carballo.html>)

дям дали возможность самостоятельно работать. Однако, нет причин говорить, что произойдет концентрация собственности в одних руках. Этого нельзя допускать ни в коем случае, и у нас это жестко контролируется.

Я думаю, вы уже слышали о других аспектах, – это разрешение на продажу недвижимого имущества и автомобилей. Кроме того, ожидается реформа нашей миграционной системы. Выступая в парламенте 23 декабря, наш президент Рауль Кастро сказал, что на свободу выйдут 2900 заключенных, осужденных за нетяжкие преступления – и среди них 86 иностранцев.

Этот процесс идет не только в экономической, но и в социальной сфере. И, самое главное, что народ воспринял эти меры очень хорошо. Они были приняты своевременно. Мир сильно изменился – и если мы хотим дальше развивать нашу страну, жить в ногу со временем и сделать нашу экономику более эффективной, государство не может все время нести такую тяжесть.

Приведу пример. К моему большому сожалению, находясь на посту Посла Кубы в Украине, мне пришлось объяснить нашим украинским друзьям, что Чернобыльская программа (программа лечения и оздоровления украинских детей, пострадавших от последствия аварии на ЧАЭС, которая осуществлялась кубинским правительством – прим. ред.), которая действовала 21 год, не может продолжаться дальше в нынешнем виде. Мы предлагаем перейти на коммерческую основу, и сейчас ведем переговоры по этому вопросу с Министерством здравоохранения Украины.

К сожалению, это касается не только Чернобыльской программы. Как вы знаете, у Кубы были гуманитарные программы во многих странах мира. Больше пятидесяти тысяч кубинских врачей работают бесплатно в шестидесяти странах мира. Куба платила за проезд, питание и проживание наших врачей. В рамках «Миссии «Милагрос» – «Миссии «Чудо» – мы провели за свои деньги 2,5 миллиона офтальмологических операций. Наши врачи провели особенно много таких операций в странах Латинской Америки – и Куба сама строила клиники, закупала самое современное оборудование.

Начиная с 1998 года, 15 тысяч врачей со всех континентов закончили медицинские вузы на Кубе, и в настоящий момент на Кубе бесплатно обучаются 38 тысяч иностранных студентов. Некоторые страны оплачивают для них проезд – но для многих Куба сама обеспечивает не только проживание и питание, но и транспортные расходы. Это очень большие социальные программы, которые осуществлялись в течение многих лет. Но сейчас они тяжелы для нашей экономики, и

здесь тоже пришлось внести коррективы. Мы не отказались от помощи – но в ближайшем будущем право на эту помощь останется лишь у самых бедных стран, а остальным мы предложим перейти на коммерческую основу. Ведь наша страна тратила на это очень большие деньги.

Мы должны пойти на это для того, чтобы можно было остаться на плаву при нынешней нестабильной ситуации в мире – но мы не отказываемся и не откажемся от нашего социального выбора, от социализма. Мы считаем, что в нынешних условиях этот социализм нужно усовершенствовать и жить реалистично, по средствам. И мы вынуждены сами зарабатывать эти средства. Ведь сейчас нам никто не дает лишней копейки – мы не получаем финансирования ни от МВФ, ни от Всемирного банка, где господствуют США, которые ни в коем случае не допустят помощи Кубе.

– Какие надежды возлагаются Кубой на экономическую интеграцию в рамках ALBA? («Боливарианский альянс для народов нашей Америки» – региональное интеграционное объединение, созданное в 2004 году по инициативе Уго Чавеса и Фиделя Кастро – прим. ред.) Возможно ли создание военной составляющей этого объединения?

– Нет, военная составляющая не будет развиваться. Но ALBA продолжит свое активное развитие. Недавно в рамках Альянса было подписано более ста соглашений. Очень важным моментом является создание Организации латиноамериканских государств и государств Карибского бассейна – без участия США и Канады. Это случилось впервые в нашей истории. Ведь во всех ранее существующих организациях подобного типа США всегда были главными и имели решающий голос. Военные перевороты, и все самое плохое, что происходило в Латинской Америке, осуществлялось под прикрытием Организации Американских Государств. Однако сейчас нам удалось объединиться и создать новую организацию. Мы возлагаем на нее очень большие надежды. Эта организация политического характера – хотя она тоже имеет некоторые экономические перспективы. Но в сфере экономической интеграции на первом месте стоит АЛБА.

Как говорит наш президент и его коллеги из стран-участников Альянса – это новая экономическая модель сотрудничества. Она не преследует коммерческих целей, а просто добавляет экономические преимущества. Так, мы направляем врачей, инженеров, учителей, которые работают в Венесуэле – и Венесуэла поставляет нам нефть.

Также мы работаем с другими странами. Но самое масштабное сотрудничество осуществляется с Венесуэлой.

– В каком состоянии находятся сейчас украинно-кубинские отношения?

– За последние два года уровень наших отношений резко повысился во всех областях – и, в первую очередь, в политической сфере. Состоялись визиты украинских делегаций на Кубу, где побывали заместитель министра и министр иностранных дел Украины Константин Грищенко. В свою очередь, в Украине побывал с визитом министр иностранных дел Кубы. 21-22 октября 2011 года Кубу посетил Виктор Янукович. Состоялся очень хороший диалог, было достигнуто взаимопонимание между нашим президентом и президентом Януковичем. Также состоялась продолжительная встреча с товарищем Фиделем, которая длилась более двух часов.

Сейчас мы работаем над тем, чтобы развивать наше торгово-экономическое сотрудничество. Здесь есть очень много перспективных программ. Ведь на Кубе очень много украинской техники – тракторов и грузовых машин. У нас действуют предприятия, построенные с помощью украинской техники и оборудования. Существует множество сфер для сотрудничества – но процесс сдерживает отсутствие источников финансирования. Мы хотели бы приобрести у Украины 6 самолетов нового поколения АН-158, которые позволят заменить самолеты АН-24, уже много лет эксплуатирующиеся в нашей стране. Конечно, они стоят очень большие деньги, и мы не можем позволить себе купить их сразу. Для этого необходимо кредитование. Мы также хотели бы приобрести сто пассажирских вагонов Крюковского вагоноремонтного завода, четыреста товарных вагонов – но на все это тоже нужны средства. Этот фактор сдерживает развитие наших торговых отношений. Но я уверен, что политическая воля могла бы помочь решить этот вопрос.

– А возможен ли ответный визит Рауля Кастро в Украину?

– Во время визита на Кубу президент Янукович пригласил Рауля Кастро в Украину, а также направил ему приглашение в письменном виде – и наш президент с благодарностью принял это приглашение. Если будет возможность, президент Рауль Кастро приедет в Украину – ведь очень любит Украину и украинский народ. Находясь здесь в качестве представителя кубинского народа, я бы очень хотел, чтобы этот визит состоялся. Это было бы очень приятно для меня.

Конечно, сейчас на Кубе множество важных неотложных дел. 28 января состоится Национальная партийная конференция. На ней будут рассматриваться вопросы, связанные с усовершенствованием нашей политической системы. В апреле прошлого года мы провели съезд Коммунистической партии Кубы, который был полностью посвящен экономическим вопросам. Сейчас ожидается реформирование нашей политической системы. Это необходимо для того, чтоб усовершенствовать нашу экономическую модель – однако эти моменты не повлияют на социалистический путь нашего развития.

Кроме того, в марте мы ожидаем приезда Папы Римского Бенедикта XVI. Нынешний папа был в Латинской Америке только раз – в Бразилии, четыре года назад. Визит предыдущего папы Иоанна Павла II создал неплохие предпосылки к нынешней встрече. Это важный для нашей католической страны визит, и к нему нужно хорошо подготовиться.

– А какими будут предложения к улучшению политической системы?

– Еще идет обсуждение, и говорить об этом было бы преждевременно. Но будет проведена линия, направленная на то, чтобы не позволить изменить социалистическую модель развития.

– Есть ли перспективы введения многопартийной системы?

– Во время освободительной антиколониальной войны против испанцев Хосе Марти создал единую революционную партию – потому, что действуя врозь нельзя было привести революцию к победе. И мы до сих пор придерживаемся этих принципов. До революции 1959 года у нас существовала многопартийность – но мы знаем, в каком плачевном состоянии находилась тогда Куба. Ведь для революции существовали объективные причины, и народ Кубы не случайно поддержал борьбу Фиделя. В стране царил масштабная коррупция и нищета, а партии лишь боролись друг против друга, без особых мыслей о народе, думая о том, как положить в карман больше денег, и действуя под диктовку из США. Поэтому никакой речи о многопартийности быть не может. Мы считаем, что единая партия позволяет нам обеспечивать прогресс и единство народа – и это для нас самое главное. Мы не можем поставить под угрозу нашу независимость и суверенитет. Это очень важно, учитывая, что у нас есть соседи, которые хозяйничали в нашей стране более шестидесяти лет. И они желают хозяйничать здесь снова.

– Улучшились ли отношения Кубы и США при Бараке Обаме?

– К, сожалению, нет. Блокада Кубы усиливается – особенно, в финансовом плане. Блокируются наши финансовые потоки во всем мире, немногочисленные компании, которые осмеливаются иметь какое-либо дело с Кубой, подвергаются еще большему преследованию.

Единственный позитив был отмечен в отношении поездок кубинских мигрантов из США к родственникам на Кубу. При Буше кубинские мигранты могли ездить на Кубу только один раз в три года, с минимальной суммой денег, и имели право посещать только родственников по прямой линии. То есть, к тете уже нельзя было ехать. Обама снял эти ограничения – но недавно конгрессмены из числа кубинских мигрантов в США потребовали вернуться к запретам поездок и политике Буша. Они намеревались провести соответствующую поправку к закону. Был очень большой торг, и в результате они были вынуждены снять поправку, после того как Обама пообещал наложить вето на закон с такой формулировкой. Правда, конгрессмены, выступавшие за либерализацию отношений с Кубой, сняли взамен свою поправку, которая позволила бы хотя бы в некоторых аспектах смягчить политику экономической блокады.

Председатель Комитета по внешней политике в Конгрессе США – кубинка из мигрантских кругов. Она настроена против того, что они называют «режимом Кастро» и поэтому сразу блокирует любую такую инициативу. Так что у президента Обамы тоже ограниченные возможности.

Американский Конгресс ежегодно выделяет двадцать миллионов долларов для поддержки кубинских эмигрантов и контрреволюции на Кубе. Это только открыто предоставляемые средства – но даже с ними идут различные махинации, политики из числа мигрантов расходуют их нецелевым образом, покупая яхты и шубы. Сотни миллионов долларов потрачены на пропаганду по радио и телеканалу «Марти». Деньги идут контрреволюционерам в конвертах и через дипломатическую почту в «отдел интересов США на Кубе» (представительство США в Гаване – прим. ред.). И, конечно, их раздражает, что результата нет, и на Кубе не митингуют против Кастро.

– Какой вы видите Кубу через десять лет?

– Через десять лет Кубой будет править другое поколение. Поколение людей, рожденных после революции. Но это поколение знает и понимает ее ценности. Все мы помним, столько людей погибло в борьбе за независимость от Испании и США, и у всех нас есть четкое представление, что мы не имеем права на ошибку. Иначе американ-

ские пехотинцы снова будут справлять нужду у памятника Хосе Марти, как это было в пятидесятые годы.

Мы хотим быть хозяевами своей страны. Мы добились этого пятьдесят три года назад, и новое поколение кубинцев, которое придет через десять лет, знает историю. Я думаю, что Куба будет современной, более богатой, что наши люди будут иметь достаток, сохранится качественная и доступная всем система здравоохранения и образования. Через десять лет Куба будет другой – но суть ее останется такой же, как и сегодня. Наша главная цель – социализм, и мы не сойдем с этого пути.

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Максим КИРЧАНОВ

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ» ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БРАЗИЛЬСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: Автор анализирует проблемы развития низкографического стиля в искусстве западной фотографии во второй половине XX века. Анализируются проблемы генезиса стиля. Американские фотографы 1970-х годов сыграли особую роль в утверждении и усилении низкографического стиля. Черно-белая фотография является одной из сфер доминирования низкографического стиля в искусстве фотографии.

Ключевые слова: фотография, история фотографии, низкографический стиль, черно-белая фотография

Annotation: The author analyses the problems of development of low graphic style in the art of western photography in the second half of the 20th century. The problems of genesis of style are analyzed. The American photographers of the 1970s played the special role in the assertion and strengthening of low graphic style. A monochrome photography is one of spheres of low graphic style prevailing in the photography art.

Keywords: photography, history of photography, low graphic style, monochrome photography

Среди динамично развивающихся направлений западного искусства на протяжении XX века особое место принадлежало фотографии. Возникнув в XIX столетии, став частью западного культурного пространства, отреагировав на технологический прорыв конца XIX – начала XX века, связанного с деятельностью американской фирмы «Кодак» и европейских (преимущественно – германский) компаний, фотография постепенно переместилась и сферы элитарной культуры, культуры доминирующих классов в сферу массовой, потребительской культуры. Интеграция фотографии в массовую культуру содействовала не только динамично развитию фотоискусства, но и его последовательной фрагментации. Изобретение и активное внедрение в конце 1930-х – в 1940-е годы цветной фотографии в большей степени усилило подобную фрагментацию.

Другим фактором, который содействовал распаду некогда единого искусства черно-белой фотографии, стал ориентир фотографии на рынок, потребности массовой культуры – культуры потребления. В подобной ситуации, начиная с 1950-х годов, в рамках западной фото-

графии четко выделяется ряд направлений, а именно – репортажная, уличная, свадебная, портретная, эротическая и позднее гламурная фотография. Все эти направления, за исключением, вероятно, двух первых в наибольшей степени были ориентированы на рынок, оказавшись связанными с издательским, журнальным бизнесом. Репортажная и уличная фотографии, отличии от других направлений, сохраняли больше связей с искусством фотографии второй половины XIX – первой половины XX века.

Важным фактором разграничения различных направлений в рамках западной фотографии во второй половине XX столетия стало отношение со стороны сообщества фотографов к цвету: фотографы, ориентированные на рынок и на запросы общества потребления, использовали цветную пленку в то время, как адепты репортажной и генетически с ней связанной уличной фотографии нередко продолжали работать в условиях доминирования черно-белых пленок. Верность последним вовсе не исключала использование цвета в репортажной фотографии. С другой стороны, анализируя развитие и трансформации в рамках западной фотографии во второй половине XX века, во внимание следует принимать тот фактор, что вовсе не жанр или цвет играли роль системообразующих факторов.

Фактором, который дает исследователю западной фотографии возможность классифицировать памятники американского и европейского фотоискусства анализируемого периода, является стиль¹. В то время, как в отношении типологии фотографии на репортажную, военную, портретную, эротическую в научном и фотографическом сообществе имели место и продолжаются дискуссии, то в отношении стиля – западными фотографическими критиками достигнут относительный компромисс. Большинство зарубежных исследователей западной фотографии выделяет два стиля, к которым «привязываются» конкретные направления. По мнению западных историков фотографии, этими стилями являются низкографический (low graphic style) и высокографический стиль (high graphic style). Первый традиционно соотносится с репортажной, уличной, в ряде случаев – военной, портретной и иногда эротической, как правило, черно-белой фотографией; второй – с пейзажной, свадебной, гламурной и эротической цветной фотографией. Если первая предназначена для специализированных изданий преимущественно научной и искусствоведческой направленности, то вторая – для многочисленных ориентированных на рынок, т.н. «гламурных», изданий.

В настоящей статье Автор анализирует проблемы генезиса, определения, распространенности и типологии низкографического стиля в искусстве фотографии на Западе во второй половине XX века.

В дальнейшем содержание статьи будет развиваться в плоскости ряда вопросов, связанных с теоретическими проблемами низкографического стиля в искусстве фотографии на Западе во второй половине XX века, а именно – вопросами генезиса, определения, распространенности и типологии low graphic style в западной фотографии анализируемого периода.

В западной фотографии относительно указанных выше вопросов не существует единого мнения. Современный американский фотограф Майкл Фримэн полагает, что низкографический стиль как самостоятельное явление в фотографии возникает в 1970-е годы в США, когда «были отброшены общепринятые нормы композиции и стиля»². Изначально, до обретения самостоятельного статуса low graphic style развивался в рамках двух других направлений в американском фотографическом искусстве – в «новой топографии» (New Topographics) и «новом цвете» (new Color). На раннем этапе существования нового направления проявилась и его важнейшая системообразующая особенность – «стилистическая анонимность» (stylistic anonymity). Первые западные фотографы, работавшие в рамках низкографического стиля, предпочитали фотографировать типичные образы окружающего их городского и (реже) природного пространства и ландшафта³. Не удивительно, что современный итальянский фотограф Марко Виргон подчеркивает, что «больше всего в фотографии мне нравится ландшафт и архитектура»⁴.

Следование подобным методам не было открытием исключительно того поколения западных фотографов, которые в исследовательской литературе признаются в качестве пионеров или сторонников низкографического стиля. Генезис этого направления не ограничивается новыми культурными веяниями в американской фотографии 1970-х годов, а его истоки, вероятно, следует искать в творческом наследии более ранних как американских, так и европейских фотографов⁵, которые работали в рамках фотографического реализма. В качестве условных предшественников низкографического стиля можно рассматривать Эдварда Керртиса⁶, Роберта Капу⁷, Анри Картье-Брессона⁸, Л. Нимого⁹, Дж. Шульман¹⁰ и др.

В этом отношении низкографический стиль представляет собой продолжение реалистической традиции в западной фотографии, «отпечаток действительности», которую наблюдает и фиксирует фотограф¹¹. Развитие низкографического стиля М. Фримэн связывал с три-

умфом постмодернизма, который воспринимал «застроенное пространство как стандартную форму современного ландшафта»¹². С другой стороны, «бесстрастная фиксация архитектуры»¹³ и пространства вообще не требует от автора-фотографа подготовки именно самого пространства. В этом отношении ярким примером могут быть признаны произведения американского фотографа Мукула Зомана¹⁴, склонного фотографировать городской ландшафт в том виде, в котором он функционирует повседневно, то есть в подобной ситуации фотография не зависит от погодных и других окружающих условий, не будучи, вместе с тем, подчиненной массовой культуре с ее запросом на «глянец».

В том случае, если в объектив фотографа – сторонника низкографического стиля – попадают люди (например, в работах исландского фотографа Рагнара Аксельссона¹⁵), то подобная фотография, как правило, монохромна, серийна, лишена оригинальности в том смысле, что отражает быт, обыденность, унылость, серость обитателей, как мегаполисов, так и традиционных сообществ. Портретная фотография в *low graphic style* – это, как правило, не только своеобразный вызов доминирующему в рамках массовой культуры гламуру, но и попытка возродить портретную фотографию в ее этнографическом измерении. Для сторонников низкографического стиля характерно весьма скептическое и критическое отношение к гламурной фотографии. Один из пионеров *low graphic style* Макс Козлофф¹⁶ оставил весьма критический отзыв о приверженце традиционной стилистики Эрнсте Хаасе, назвав его «Паганини Kodachrome»¹⁷, а Джон Шарковски¹⁸, который с 1962 по 1991 год, возглавлял один из департаментов в Музее современного искусства, щедро предоставлял площадки для выставок сторонникам низкографического стиля, чем содействовал его укреплению.

По мнению американского критика Конрада Обрегона, появление низкографического стиля в западной фотографии было связано с ее кризисом, постепенной фрагментацией и появлением новых течений, сторонники которых предпочитали фотографировать «отлично от традиционного стиля», что впоследствии содействовало появлению «авангардной современной фотографии»¹⁹. Поворотным событием в развитии низкографического стиля стало проведение в 1975 году в нью-йоркском Международном музее фотографии и кино выставки «Новые топографии: фотографии ландшафта, измененного человеком» («*New Topographics: Photographs of man-altered landscape*»²⁰), хотя первые подобные тенденции в американской фотографии прояви-

лись в 1963 и 1967 годах с выходом книг Эдварда Руша «26 бензоэправочных станций» и «34 автомобильные парковки»²¹.

Постепенно усилиями сторонников низкографического стиля были выработаны его основные системные характеристики, которые отличают его от high graphic style. Эти характеристики, по мнению М. Фримэна²², следующие: статический баланс кадра, равные пропорции, общая пассивность объекта / предмета фотографии, фронтальная точка съемки, умеренные цвета или доминирование монохромности. Склонность к равным пропорциям сыграла значительную роль в развитии низкографического стиля. По мнению современного российского критика И. Шанидзе, существует категория фотографий, которые «приятны взгляду безотносительно к содержанию»²³. Специфика low graphic style, в свою очередь, состоит в том, что он содействует фотографической фиксации изображений, которые могут иметь в большей степени художественную или научную ценность в качестве объекта исследования, но не отражать при этом общепринятые, серийные представления о красоте, доминирующие в современной культуре потребления и отражающиеся в фотографиях в высокографическом стиле.

В этом отношении низкографический стиль проявляет генетическое родство с топографией, фиксацией объектов в пространстве и их отношениями с другими соседними или территориально более отдаленными объектами. Американский фотограф и художник Марк Дженкинс, комментируя специфику низкографического стиля, подчеркивал, что фотографию следует освободить от «любых артистических украшательств», сведя ее до «чисто топографических образов», которые несли бы необходимую «визуальную информацию», но при этом были бы «лишены любых элементов красоты, эмоций и личного мнения»²⁴. Подобная приверженность low graphic style к фиксации или просто констатации при помощи фотографии урбанистического пространства нередко проявляется в отказе от цвета, выборе в пользу монохромной фотографии, хотя в современном американском фотоискусстве имеют место и в цвете²⁵ только фиксировать городскую географию, что в целом содействуют пребыванию ряда североамериканских фотографов (например, Том Рябой²⁶) в рамках низкографического стиля, несмотря на внешнюю яркость их произведений.

Позднее в рамках low graphic style сложилось минималистское направление, сторонники которого отказываются от ярких эффектов в фотографии в пользу абстрактной геометрии, что привело к определенному отчуждению фотографии от фиксируемого при ее помощи пространства. Наилучшим образом этот принцип низкографического

стиля выразил Льюис Болтц, указавший на то, что «идеальный фотографический документ не должен иметь автора»²⁷. В этом отношении низкографический стиль в значительной степени отличен от своего главного конкурента, в рамках которого особую роль может играть яркость и насыщенность. Поэтому, в рамках *high graphic style*, по мнению некоторых российских исследователей фотографии, «структурные и смысловые детали могут остаться незамеченными или “недооцененными”, а какие-то, напротив – будут гиперболизированы»²⁸. Низкографический стиль, в отличие от своего конкурента, от многих подобных ошибок в значительной степени застрахован, так как в его рамках авторское «я» может играть второстепенную роль в условиях доминирования серийного и унифицированного пространства.

Изучение настоящей проблематики имеет и особую актуальность для современной российской латиноамериканистики, в том числе – и для бразиловедения. В XX веке в полной мере проявилось помимо нарративного и визуальное измерений новейшей истории. История Бразилии не стала исключением из этого универсального правила. Развитие фотографии привело к появлению нового уникального пласта источников, которые отражают самые различные страницы и моменты социальной, политической, экономической, интеллектуальной и культурной истории Бразилии. В подобной ситуации мы, вероятно, можем констатировать состоявшийся визуальный поворот в гуманитарных исследованиях в современной Бразилии, что было связано со значительным ростом интереса к истории фотографии и появлением ряда уникальных и оригинальных исследований²⁹, которые отражают место фотографии как визуального уровня / измерения бразильской истории среди других преимущественно невизуальных, нарративных, исторических источников.

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. На протяжении второй половины XX века и на современном этапе низкографический стиль занимал и продолжает удерживать свои позиции в сообществе профессиональных фотографов, в большей степени ориентированных не на рынок и массовую культуру гляцевых и «гламурных» журналов, а на фотографическую традицию, связанную с деятельностью выдающихся западных фотографов. Сферой доминирования *low graphic style* является монохромная (черно-белая) фотография, а сам стиль нередко соотносят с фотографическим реализмом, что связано с избеганием со стороны его приверженцев значительной обработки изображений в современных фотографических редакторах. Изучение низкографического стиля представляет на современном этапе особую актуальность по той, причине, что культурный и интеллек-

туальный облик современной западной фотографии был в значительной степени сформирован благодаря усилиям тех фотографов, которые работали в рамках именно low graphic style. Дальнейшее изучение данного направления актуально и в контексте исследований истории советской и российской фотографии, в рамках которой на протяжении длительного времени доминировали аналогичные тенденции, связанные фотографическим реализмом, что позволяет изучать советский опыт развития фотографии в западном культурном и интеллектуальном контексте.

В настоящем номере «Политических изменений в Латинской Америке» публикуется статья М.В. Кирчанова, в которой предприняты попытки переложить результаты визуального поворота в современном гуманитарном знании к изучению истории Бразилии, а именно – истории Бразильской Империи.

---

¹ Шанидзе И. Авторский стиль в фотографии / И. Шанидзе. – (http://rosphoto.com/a_avtorskiy_stil)

² Фриман М. Искусство цифровой фотографии. Продвинутое приемы и техники для создания удачных фотоснимков / М. Фриман / пер. с англ. – М., 2011. – С. 124.

³ Freeman M. Style / M. Freeman. – (<http://chrissimsartofphotography.blogspot.ru/2011/07/michael-freeman.html>)

⁴ Marco Virgone. – (<http://www.pixoto.com/marco52>)

⁵ Assouline P. Cartier-Bresson. *El Ojo del Siglo* / P. Assouline. – Barcelona, 2002; Ardila B., David J. Henri Cartier-Bresson – *El azar y el instante* / B. Ardila, J. David. – Bogota, 2005; Beceyro R. Henri Cartier-Bresson / R. Beceyro. – Mexico, 1983; Bustelo G. Robert Capa: obra fotográfica / G. Bustelo. – L. – NY., 2005; Kershaw A. *Blood and champagne: the life and times of Robert Capa* / A. Kershaw. – NY., 2003; Lacouture J. *Robert Capa* / J. Lacouture. – Paris, 1988; Montier J.-P. *Henri Cartier-Bresson and the artless art* / J.-P. Montier. – L., 1995; Whelan R. *Robert Capa: a Biography* / R. Whelan. – NY., 1985.

⁶ Davis B.A. *Edward S. Curtis: The Life and Times of a Shadow Catcher* / B.A. Davis. – San Francisco, 1985; Egan T. *Short Nights of the Shadow Catcher: The Epic Life and Immortal Photographs of Edward Curtis* / T. Egan. – Boston, 2012; Gidley M. *Edward S. Curtis and the North American Indians* / M. Gidley. – Cambridge, 1998; Gidley M. *Edward S. Curtis and the North American Indian Project in the Field* / M. Gidley. – Lincoln, 2003; Makepeace A. *Edward S. Curtis: Coming to Light* / A. Makepeace. – Washington, D.C., 2002; Scherer, J.C. *Edward Sheriff Curtis* / Scherer. – L., 2008.

⁷ Кана Р. *Скрытая перспектива* / Р. Кана / пер. с англ. В. Шпагу. – СПб., 2011.

⁸ *The Photographs of Henri Cartier-Bresson* / text by Lincoln Kirstein. – NY., 1947; Cartier-Bresson H. *The Decisive Moment* / H. Cartier-Bresson. – NY., 1952.

⁹ Nimoy L.S. *You and I* / L.S. Nimoy. – NY., 1973; Nimoy L.S. *Will I Think of You* / L.S. Nimoy. – NY., 1974; Nimoy L.S. *We Are All Children Searching for Love: A Collection of Poems and Photographs* / L.S. Nimoy. – NY., 1977; Nimoy L.S. *Come Be with Me* / L.S. Nimoy. – NY., 1978; Nimoy L.S. *These Words Are for You* / L.S. Nimoy. – NY., 1981; Nimoy L.S. *Warmed by Love* / L.S. Nimoy. – NY., 1983.

¹⁰ Head J. *Shulman face to face (interview with Julius Shulman)* / J. Head // *CA Modern magazine*. – 2007. – Summer 2007. – P. 16 – 17; Head J. *A Conversation with Julius Shulman* / J. Head // *Case Study House*. – 2006. – Vol. 21. – Summer. – P. 9 – 12; Rosa J. *A Constructed View: The Architectural Photography of Julius Shulman* / J. Rosa. – NY., 2004.

¹¹ *Построение кадра*. – (http://rosphoto.com/a_urok_fotografii_postroenie_kadra)

¹² Freeman M. *The Photographer's Mind* / M. Freeman. – L. – NY., 2011. – P. 113.

¹³ Фриман М. *Искусство цифровой фотографии*. – С. 125.

¹⁴ Mukul Soman. – (<http://www.mukulsoman.com/>)

¹⁵ Ragnar Axelsson. – (<http://www.rax.is/>)

¹⁶ Kozloff M. *Photography and Fascination: Essays* / M. Kozloff. – NY., 1979.

¹⁷ Фриман М. *Искусство цифровой фотографии*. – С. 124.

---

¹⁸ Szarkowski J. *The Photographer's Eye* / J. Szarkowski. – NY., 1966; Szarkowski J. *Looking at Photographs* / J. Szarkowski. – NY., 1974.

¹⁹ Obregon C.J. *Photo Book Review – The Photographer's Mind* / C.J. Obregon. – <http://photofocus.com/2010/11/21/photo-book-review-the-photographers-mind/>

²⁰ Freeman M. *The Photographer's Mind*. – P. 114.

²¹ Фриман М. Искусство цифровой фотографии. – С. 124.

²² Фриман М. Искусство цифровой фотографии. – С. 126.

²³ Шанидзе И. Композиция и зрительная гармония / И. Шанидзе. – http://rosphoto.com/a_urok_fotografii_kompoziciya

²⁴ Фриман М. Искусство цифровой фотографии. – С. 124.

²⁵ Blursurfing Photoblog. – (<https://plus.google.com/109677228345165381977/about>)

²⁶ Tom Ryaboi. – (<http://www.blursurfing.com/>)

²⁷ Freeman M. *The Photographer's Mind*. – P. 114.

²⁸ Шанидзе И., Повшенко А. Анализ фотографического изображения / И. Шанидзе, А. Повшенко. – http://rosphoto.com/a_analiz_fotograficheskogo_izobrageniya

²⁹ Carvalho V.C. de, Lima S.F. de, *Fotografia no Museu: um projeto de curadoria da coleção Militão Augusto de Azevedo* / V.C. de Carvalho, S.F. de Lima // *Anais do Museu Paulista*. – 1997. – Vol. 5. – jan/dez; Ferrez G. *A fotografia no Brasil* / G. Ferrez. – Rio de Janeiro, 1953; Kossoy B. *Fotografia e História* / B. Kossoy. – São Paulo, 1989; Kossoy B. *Origem e expansão da fotografia no Brasil – século XIX* / B. Kossoy. – Rio de Janeiro, 1980; Turazzi M.I. *Poses e trejeitos: a fotografia e as exposições na era do espetáculo (1839 – 1889)* / M.I. Turazzi. – Rio de Janeiro, 1995.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФОТОГРАФИИ В БРАЗИЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Автор анализирует основные проблемы истории фотографии в Бразильской Империи. Имперский период стал первым этапом в истории национального бразильского фотоискусства. Среди доминирующих жанров в фотографии имперского периода был портрет. Фотоискусство играло важную роль в развитии гражданской и политической идентичности Бразильской Империи.

Ключевые слова: Бразильская Империя, история, фотография, история фотографии, идентичность

The author analyses the main problems of photography history in Brazilian Empire. The imperial period was the first stage in a history of national Brazilian photographic art. The portrait was among dominant genres in imperial period photography. The photography and photographic art played the important role in development of civil and political identity of Brazilian Empire.

Keywords: Brazilian Empire, history, photography, history of photography, identity

Изобретение и последующее развитие фотографии в XIX веке¹ оказали значительное влияние на историю западной культуры и искусства. Практически все западные государства, начиная с XIX столетия пережили рост интереса к фотографии и в них сложились национальные направления и школы фотоискусства. Не являлась исключением из этого универсального правила и Бразильская Империя², где развитие фотографии оказалось самым тесным образом связано с деятельностью второго бразильского императора Педру II, который стал одним из пионеров³ в развитии фотографического искусства в Бразилии⁴. На протяжении существования Империи в Бразилии действовало несколько фотографов⁵, с которыми связано появление национальной бразильской школы фотоискусства.

История фотографии в Империи, равно как и сама история Бразильской Империи в целом⁶, в отечественной латиноамериканистике изучены в незначительной степени. Поэтому в центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы истории фотографического искусства в Бразильской Империи – его роли и места в становлении и трансформации бразильской национальной идентичности.

Имперский период стал первым этапом в истории национального бразильского фотоискусства.

На протяжении существования Империи искусство фотографии в определенной степени носило элитарный характер, играя важную роль в процессе визуализации власти императора. Именно благодаря относительно быстрому распространению фотографии в Бразилии

было создано несколько высокохудожественных портретов второго бразильского императора Педру II, тиражирование которых содействовало тому, что фигура императора стала известна многим бразильцам, а не только представителям окружения монарха. Один из первых фотопортретов Педру II второго был сделан приблизительно в 1848 году⁷, автор фотографии (которая неоднократно публиковалась⁸) неизвестен. Автором другой известной фотографии императора, выполненной тремя годами позднее, в 1851 году⁹, стал Луис Бувело. Эта фотографии известна как в черно-белой, так и в колоризованной версии¹⁰. К фотографии императора тематически близки фотографии членов императорской семьи. Среди первых подобных фотографий – работа неизвестного автора, которая датируется 1855 годом¹¹ и запечатлевшая двух дочерей императора – принцесс Леопольдину и Изабеллу¹².

Среди доминирующих жанров в фотографии имперского периода был портрет. Специфика портретной фотографии Империи нередко состоит в том, что до нас дошли сами изображения, в ряде случаев – имена авторов, но сами герои этих первых бразильских фотографии остаются неизвестны. В ряде случаев герои фотографий периода Империи известны. Это, как правило, относится к представителям политического класса. В частности известна фотография бразильского политика Жозе Антониу Сарайвы¹³, выполненная в 1870 году А. Ханшелом¹⁴. Известны фотографические портреты и других деятелей Империи – барона Анжелу Мониза да Силвы Ферраза¹⁵, несколько фотографий Жоау Маурисиу Вандерли – барона Котэжипи 1865¹⁶ и 1870 годов¹⁷. Кроме этого известна фотография одного из пионеров фотографии в Бразильской Империи Августа Шталя, датируемая 1863 годом¹⁸.

Среди анонимным и не идентифицированных фотографий – «Немецкие охотники в Байе» (Ф.Н. Баутц, 1848)¹⁹, «Бразильский мальчик» (Шарль де Форест Фредрикс, 1851)²⁰, «Неизвестный молодой человек» (Жуаким Пашеку, 1850)²¹, фотография неизвестной женщины с ребенком (1855)²², неоднократно публиковавшаяся²³ фотография неизвестного мужчины (1851)²⁴, фотография двух неизвестных женщин (1855)²⁵, фотография неизвестной с ребенком (1855)²⁶, фотография трех неизвестных студентов-юристов (1858)²⁷, фотография неизвестной семьи (1855, Ж. ди Баруш)²⁸, публиковавшаяся²⁹ фотография неизвестного молодого офицера (1855)³⁰.

В 1860-е годы в фотографии доминировал портрет³¹, хотя появились и некоторые элементы событийности, репортажности, что, например, относится к фотографиям³², отражающим расовые отношения

в Империи. В этом отношении показательной является фотография, датированная 1860 годом и запечатлевшая семью с двумя рабынями³³. В ряде случаев героями фотографий становились рабы³⁴, что, например, относится к фотографии раба в Риу-де-Жанейру, датированной 1865 годом³⁵; фотографии рабов, занимающихся сушкой кофе³⁶; коллективной фотографии рабов на одной из fazendas середины 1880-х годов³⁷. В целом, значительная часть портретных фотографий имперского периода³⁸ остается неидентифицированными. Анализируя портретную фотографию Бразилии периода Империи³⁹, во внимание следует принимать и то, что она отразила расовую и этническую специфику страны: среди неизвестных героев ранних бразильских фотографий были белые⁴⁰, мулаты⁴¹, кафузу⁴², кабоклу⁴³, негры⁴⁴ и индейцы⁴⁵. Особую группу составляют фотографии индейцев в естественных условиях⁴⁶. В значительной степени этнографический интерес бразильских фотографов ко всем обитателям Империи в определенной мере содействовал размытию расовых барьеров и формированию гражданской политической нации.

В период Империи были заложены основы событийной, отчасти – репортажной фотографии. Начиная с 1860-х годов бразильская фотография становится более проблемной. Кроме этого в объектив первых бразильских фотографов⁴⁷ попадает городское и аграрное пространство Империи. В этом отношении фотография становится важным источником по истории Империи. Это, например, относится к фотографиям, которые отразили первые шаги в процессе модернизации Бразильской Империи, связанные с развитием портов⁴⁸, имевших принципиальное значение для внешней торговли, со строительством железных дорог (например, работы А. Аморетти первой половины 1880-х годов⁴⁹) и развитием путей сообщения⁵⁰, растущими тенденциями к урбанизации⁵¹ и изменению общей роли города⁵² в политическом и экономическом пространстве Империи. Особый интерес представляют фотографии⁵³, отразившие и первые шаги, сделанные властями Империи, в направлении индустриализации. В фотографиях начинает проявляться социальность, что, например, относится к фотографии трех бразильских монахов неизвестного автора, датированной 1875 годом⁵⁴. В этом отношении более показательной является опубликованная в 2000-е годы⁵⁵ фотография железнодорожного рабочего⁵⁶, датированная началом 1880-х годов и отражающая масштабы бедности в Империи. Другие фотографии, наоборот, отражали реалии благополучной жизни fazendeiros⁵⁷ или немецких переселенцев в Империи⁵⁸. Примечательно и то, что особую роль в развитии бразильской фотографии сыграли выходцы из германских земель⁵⁹.

Второй половиной 1860-х годов датируются и первые систематические попытки фиксировать специфику городского пространства, его трансформацию. В этом контексте особый интерес представляет фотография столицы провинции Пара – города Белен, датируемая 1867 годом⁶⁰. 1870-ми годами датируется ряд фотографических изображений и других, в том числе – провинциальных⁶¹, бразильских городов. Не менее важна и более поздняя фотография Белена, датируемая началом 1880-х годов⁶², представляющая одну из первых городских фотографий – в объектив Ф.А. Фиданзы попали не только городские здания, но и случайные прохожие, что можно рассматривать как один из первых шагов в формировании направления «уличной фотографии». Известны также фотографии Петрополиса в провинции Риу де Жанейру, датируемые 1870 годом⁶³. Бразильская фотография эпохи Империи отражала сложные расовые и социальные отношения, связанные с существованием рабства: рабы и хозяева⁶⁴ стали героями ряда фотографий⁶⁵, авторы которых неизвестны. В 1885 году, незадолго до падения Империи, Марком Феррезом был сделан ряд снимков, посвященных быту бразильской армии⁶⁶.

Подводя итоги настоящей статьи, во внимание следует принимать ряд факторов.

Имперский период стал первым этапом в истории развития национального фотографического искусства в Бразилии. Развитие фотографии в Империи протекало в условиях значительного технического и интеллектуального влияния со стороны европейских фотографов, которые жили и работали в Бразильской Империи. Доминирующим и, вероятно, единственным направлением в развитии фотографии в имперский период был фотографический реализм. С другой стороны, именно, работая в рамках реалистического направления, первые бразильские фотографы, возможно, сами того не осознавая, внесли значительный вклад в формирование и развитие имперского политической идентичности, что было связано с визуализацией имперского политического, культурного, экономического и расового пространства.

Первые фотографии, сделанные и изданные в Бразильской Империи, содействовали в этом отношении определенной материализации имперской идентичности, наделяя ее не только воображаемыми, но визуально видимыми атрибутами. Несмотря на то, что период Империи бразильская фотография делала только свои первые шаги, ее значение сложно переоценить. Именно в имперский период фотография проявила свое политическое значение, связанное с развитием гражданского национализма и идентичности, о чем речь шла выше. Кроме этого в период существования Империи были заложены основы для

последующего развития оригинальных течений и школ в бразильской фотографии в конце XIX – в XX столетии.

¹ Об истории фотографии в XIX веке см. подробнее: Beceyro R. *Ensaio sobre fotografia* / R. Beceyro. – São Paulo, 1980; Fabris A. *Fotografia usos e funções no século XIX* / A. Fabris. – São Paulo, 1991;

² Об истории Бразильской Империи см. подробнее: Курчанов М.В. *Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи* / М.В. Курчанов. – Воронеж: Издательство «Научная книга», 2013. – 295 с.

³ Vasquez P.K. *Dom Pedro II e a fotografia no Brasil* / P.K. Vasquez. – Rio de Janeiro, 1985.

⁴ Об истории фотографии в Бразилии см. подробнее: Carvalho V.C. de, Lima S.F. de, *Fotografia no Museu: um projeto de curadoria da coleção Militão Augusto de Azevedo* / V.C. de Carvalho, S.F. de Lima // *Anais do Museu Paulista*. – 1997. – Vol. 5. – jan/dez; Ferrez G. *A fotografia no Brasil* / G. Ferrez. – Rio de Janeiro, 1953; Kossoy B. *Fotografia e História* / B. Kossoy. – São Paulo, 1989; Kossoy B. *Origem e expansão da fotografia no Brasil – século XIX* / B. Kossoy. – Rio de Janeiro, 1980; Turazzi M.I. *Poses e trejeitos: a fotografia e as exposições na era do espetáculo (1839 – 1889)* / M.I. Turazzi. – Rio de Janeiro, 1995.

⁵ Об истории фотографии в имперский период, см. подробнее: Vasquez P.K. *A Fotografia no Império* / P.K. Vasquez. – Rio de Janeiro, 2002; *Os fotógrafos do Império do Brasil*. – (<http://virtualiaomanifesto.blogspot.ru/2009/09/os-fotografos-do-imperio-do-brasil.html>)

⁶ Об истории Бразильской Империи см. более ранние публикации Автора настоящей статьи:

⁷ Dom Pedro II, Imperador do Brasil com cerca de 22 anos de idade. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Pedro_II_of_Brazil_1848.jpg)

⁸ См. например: Corrêa do Lago P. *Coleção Princesa Isabel: Fotografia do século XIX* / P. Corrêa do Lago. – Rio de Janeiro, 2008.

⁹ A daguerreotype of Emperor Dom Pedro II of Brazil around age 25, c.1851. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Pedro_II_of_Brazil_1851.jpg)

¹⁰ Emperor Dom Pedro II of Brazil around age 25, c.1851. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Pedro_II_of_Brazil_1851_color.png)

¹¹ Princesas brasileiras Leopoldina e Isabel, 1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Princess_Isabel_and_Leopoldina_1855.jpg)

¹² Фотография неоднократно публиковалась. См. например: Vasquez P.K. *O Brasil na fotografia oitocentista* / P.K. Vasquez. – São Paulo, 2003.

¹³ Candido A. *Um Funcionário da Monarquia: ensaio sobre o segundo escalão* / A. Candido. – Rio de Janeiro, 2002.

¹⁴ José Antônio Saraiva, Brazilian politician, c. 1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Antonio_Saraiva_00.jpg)

¹⁵ Ângelo Moniz da Silva Ferraz, Brazilian politician, c. 1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Barao_de_uruguaiana_00.jpg)

¹⁶ João Maurício Wanderley, Barão de Cotejipe, 1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baron_of_cotegipe_1865.JPG)

¹⁷ João Maurício Wanderley, Barão de Cotejipe, c.1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Baron_of_cotegipe_1870.JPG)

¹⁸ Photographer Augusto Stahl, c.1863. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Stahl_1863.jpg)

¹⁹ Daguerreotype of three German hunters in Bahia, 1848. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:German_hunters_in_Bahia_1848.jpg)

²⁰ Daguerreotype of a Brazilian boy, 1851. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brazilian_boy_1851.jpg)

²¹ Daguerreótipo de jovem desconhecido, 1850. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unknown_young_man_1850.jpg)

²² Mulher e bebê não-identificados, 1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:A_Brazilian_woman_and_her_baby_1855.jpg)

²³ Ermakoff G. *Rio de Janeiro – 1840 – 1900 – Uma crônica fotográfica* / G. Ermakoff. – Rio de Janeiro, 2006.

²⁴ Homem não-identificado, 1851. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unknown_man_1851.jpg)

²⁵ Daguerreotype of two unknown Brazilian young women, c.1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brazilian_women_1855.jpg)

²⁶ Mulher e bebê não-identificados, 1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:A_Brazilian_woman_and_her_baby_1855.jpg)

²⁷ Ambrotype of three Brazilian students of Law School in Olinda, c.1858. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Three_Brazilian_students_1858.jpg)

²⁸ Família não-identificada, 1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unknown_family_1855.jpg)

²⁹ См. например: Vasquez P.K. *O Brasil na fotografia oitocentista* / P.K. Vasquez. – São Paulo, 2003.

³⁰ Jovem brasileiro desconhecido, 1855. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brazilian_young_officer_1855.jpg)

³¹ Menina não-identificada, 1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brazilian_child_1865.jpg); Homem não-identificado, 1862. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unidentified_man_1862.jpg); Conselheiro Junqueira, c.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Conselheiro_junqueira_1860.jpg); Família desconhecida, 1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unknown_family_1860_00.jpg); Conselheiro Bernardo Belisário Soares de Souza, 1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bernardo_Belisario_Soares_1860.jpg); Mariquinha Junqueira, esposa do Conselheiro Junqueira, 1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Mariquinha_junqueira_1860.jpg)

³² Lady in litter being carried by her slaves, province of São Paulo in Brazil, ca.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Senhora_escravos_1860.jpg); Moça de Salvador na província da Bahia, 1869. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Girl_from_Salvador_1869.jpg)

³³ Uma família e suas escravas domésticas no Brasil, c.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Family_and_slave_house_servants_by_Klumb_1860.jpg)

³⁴ Escravos brasileiros do século XIX na fotografia de Christiano Jr. (1864 – 1866) / org. M.A. de Azevedo, M. Lissovsky. – São Paulo, 1988; Ermakoff G. *O negro na fotografia brasileira do Século XIX* / G. Ermakoff. – Rio de Janeiro, 2004.

³⁵ Escravo de ganho na cidade de Rio de Janeiro, 1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Slave_Brazil_1865.jpg)

- ³⁶ A White boy is next to his nanny, a couple of men drying coffee, a woman and some children sitting, all of whom are slaves owned by his father, c. 1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Slaves_drying_coffee_circa_1870.jpg)
- ³⁷ Escravos numa fazenda de café no Brasil, c.1885. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Slaves_in_coffe_farm_by_marc_ferrez_1885.jpg)
- ³⁸ Família desconhecida, 1870. – (<http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Digitalizar0045.jpg>); Oficial brasileiro desconhecido, c.1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Unknown_brazilian_officer_1870.jpg); Casal não-identificado, 1872. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Couple_1872.jpg)
- ³⁹ Lago B.C. do. Os fotógrafos do Império: a fotografia brasileira no Século XIX / B.C. do Lago. – Rio de Janeiro, 2005.
- ⁴⁰ Unknown white woman in Rio de Janeiro city (Rio de Janeiro province), c.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Unknown young white boy, c.1865; Unknown young white man, c.1858. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Unknown white man, c.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png)
- ⁴¹ Mulatto young woman in Salvador (Bahia province), c.1869. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Mulatto young woman in Recife (Pernambuco province), c.1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png)
- ⁴² Cafuso young woman in Salvador (Bahia province), c.1869. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Cafuso girl in Recife (Pernambuco province), c.1870. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png)
- ⁴³ Caboclo girl in Recife (Pernambuco province), c.1858. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Caboclo man in Rio de Janeiro city (Rio de Janeiro province), c.1895. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png)
- ⁴⁴ Unknown black boy, c.1874. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Unknown black young woman in Pernambuco province, c.1874. – (); Unknown black man, c.1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png)
- ⁴⁵ Unknown Indian girl from the unknown tribe in Mato Grosso province, 1882. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brasileiros_do_seculo_XIX.png); Unknown Indian man from the "Umaúá" tribe in "Japurá" river, 1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Indians_1865_00.jpg)
- ⁴⁶ Índios Caiúguas na província do Paraná, c.1860. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Indians_1860_00.jpg); Umauás indians near the river Japurá, c. 1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Indians_river_japura_amazone_1865.jpg); Índios da tribo Ticuna da região do Rio Caldeirão na província do Amazonas, c.1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Índios_amazonas_1865_00.jpg); Índios de tribo desconhecida na província do Amazonas, c.1865. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Índios_1865_00.jpg)
- ⁴⁷ Ferrez G., Naef W.J. Pioneer photographers of Brazil: 1840 – 1920 / G. Ferrez, W.J. Naef. – Nova Iorque, 1976; Kossoy B. Dicionário histórico-fotográfico brasileiro: Fotógrafos e ofício da fotografia no Brasil (1833 – 1910) / B. Kossoy. – São Paulo, 2002; Vasquez P.K. Mestres da fotografia no Brasil: Coleção Gilberto Ferrez / P.K. Vasquez. – Rio de Janeiro, 1995.
- ⁴⁸ Café sendo embarcado no porto de Santos, 1880. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Cafe_porto_Santos_1880.jpg); Construction site in the docks of Recife, capital of Pernambuco province, 1862. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Construction_site_in_Recife_1862.jpg)
- ⁴⁹ Augusto Amoretty. Depósito das Locomotivas e Depósito de Carvão da Estação do Rio Grande, Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande RS, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Depósito_das_Locomotivas_e_Depósito_de_Carvão_da_Estação_do_Rio_Grande_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé.jpg); Augusto Amoretty. Depósito dos Vagões de Passageiros da Estação de Rio Grande, Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande RS, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Depósito_dos_Vagões_de_Passageiros_da_Estação_de_Rio_Grande_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé.jpg); Estação do Capão Leão, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Estação_do_Capão_Leão_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg);
- ⁵⁰ Ponte do Cerro Chato, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Ponte_do_Cerro_Chato_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé.jpg); A station of the Minas and Rio Railway in São Paulo province, Empire of Brazil, c.1885. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Railroad_station_brazil_1885.jpg); General Carneiro station which belonged to Minas and Rio railway. Minas Gerais province, Brazil, c.1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Railroad_station_in_minas_gerais_1884.jpg); Vista Panorâmica da Ponte de Bagé, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Vista_Panorâmica_da_Ponte_de_Bagé_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg); Ponte do Lajeado, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Ponte_do_Contrato_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg); Ponte do Contrato, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Ponte_do_Contrato_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg); Ponte de Maria Gomes, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Ponte_de_Maria_Gomes_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg); Ponte das Alegrias, na Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Ponte_das_Alegrias_na_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé_Rio_Grande_do_Sul.jpg)

- ⁵¹ Igreja dos Jesuítas (atual Catedral Basílica), Salvador na Bahia, 1858. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Church_Salvador_Bahia_1858.jpg); Estação de Pelotas, Estrada de Ferro do Rio Grande a Bagé, Rio Grande do Sul, 1884, álbumen. Fundação Biblioteca Nacional (Rio de Janeiro, RJ., 1884. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Augusto_Amoretty_Estação_de_Pelotas,_Estrada_de_Ferro_do_Rio_Grande_a_Bagé,_Rio_Grande_do_Sul,_1884.jpg)
- ⁵² Carvalho V.C. de, Lima S.F. de, Representações urbanas: Militão Augusto de Azevedo e a memória visual da cidade de São Paulo / V.C. de Carvalho, S.F. de Lima // Revista do IPHAN. – 1998. – No 27; Carvalho V.C. de, São Paulo antigo, uma encomenda da modernidade: as fotografias de Militão nas pinturas do Museu Paulista / V.C. de Carvalho // Anais do Museu Paulista (nova série). – 1993. – No 1;
- ⁵³ Fábrica no Brasil, 1880. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fabrica_brasil_1880.jpg)
- ⁵⁴ Brazilian friars, c. 1875. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brazilian_friars_1875.jpg)
- ⁵⁵ Vasques P.K. Nos trilhos do progresso: A ferrovia no Brasil imperial vista pela fotografia / P.K. Vasques. – São Paulo, 2007.
- ⁵⁶ A railroad worker and his very poor family in Ceará province, Empire of Brazil, 1880. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Family_from_ceará_1880.jpg)
- ⁵⁷ Fazenda na província do Rio Grande do Sul, 1885. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Farm_province_Rio_Grande_do_Sul_1885_00.jpg)
- ⁵⁸ Imigrante alemão próximo a cidade de Vitória na província do Espírito Santo, 1875. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:German_Vitoria_Brazil_1875.jpg); German and Luxembourger immigrants in Santa Leopoldina colony in Espírito Santo province, Brazil, 1875. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Germans_and_luxembourgers_in_brazil_1875.jpg)
- ⁵⁹ Vasquez P.K. Fotógrafos Alemães no Brasil do Século XIX / P.K. Vasquez. – São Paulo, 2000.
- ⁶⁰ Belém, capital da província do Pará, 1867. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Belem_1867_00.jpg)
- ⁶¹ Ouro Preto, província de Minas Gerais, c.1875. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ouro_preto_1875_00.jpg); Ouro Preto, província de Minas Gerais, 1875. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ouro_preto_1875.jpg); Ouro Preto, província de Minas Gerais, 1881. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ouro_preto_1881_00.jpg)
- ⁶² Belém, província do Pará, c. 1880. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Belem_para_1880.jpg)
- ⁶³ Casas em Petrópolis na província do Rio de Janeiro, 1870. – (<http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Digitalizar0007.jpg>)
- ⁶⁴ Babá com o menino Eugen Keller, c. 1874. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alberto_Henschel_-_Baba_com_o_menino_Eugen_Keller.jpg)
- ⁶⁵ Ermakoff G. O negro na fotografia brasileira do Século XIX / G. Ermakoff. – Rio de Janeiro, 2004. – P. 99
- ⁶⁶ Acampamento militar do Exército Imperial do Brasil, 1885. – (http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Acampamento_exercito_brasileiro_1885.jpg)

НОВЫЕ КНИГИ

Максим КИРЧАНОВ

БРАЗИЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БРАЗИЛИИ^{*}

На протяжении XX века в Бразилии сложились оригинальные национальные школы в исторической, политической, социальной и экономической науке, которые развивались под мощным европейским и американским интеллектуальным влиянием. Историю Бразилии XIX столетия, когда страна развивалась в условиях доминирования имперской модели политики и культуры, можно интерпретировать как своеобразную историю идей. Автор полагает, что для Бразилии применима классификация предложенная Робертом Дарнтоном. Роберт Дарнтон полагает, что интеллектуальная история включает «историю идей (изучение систематических форм мышления, представленных, как правило, в философских трактатах), интеллектуальную историю (изучение неформальных видов мышления, состояния общественного мнения и литературных движений), социальную историю идей (изучение идеологий и распространения идей) и культурную историю (изучение культуры в антропологическом смысле, включающее изучение картины мира и коллективных ментальностей)»¹.

В этом и в следующих разделах книги Автор предпримет попытку проанализировать историю Империи как историю идей, как историю националистического воображения и сознательного конструирования новой нации. Поэтому книга в значительной степени носит ревизионистский характер для российской латиноамериканистики. Парфразируя известное изречение Роберта Дарнтон, Автор попытается «заново открыть ускользающую от априорного определения оригинальность каждой системы мышления во всей ее сложности и противоречивости, избавив историю от ярлыков, которые, претендуя на выявление прежних способов мышления, фактически их скрывали»². Именно эти различные проявления интеллектуальной истории Брази-

---

^{*} Настоящий текст является переработанным разделом из книги М.В. Кирчанова «Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи», которая готовится к печати в 2013 году в издательстве «Научная книга» (г. Воронеж).

лии в контексте имперского опыта и политического / культурного / интеллектуального эксперимента будут в центре авторского внимания в этой монографии.

Одной из центральных фигур в развитии политических и экономических наук в Бразилии в XX веке, в том числе – и в изучении Бразильской Империи, а также имперского наследия бесспорно является Жилберту Фрейри (Gilberto Freyre)³. На протяжении длительного времени Ж. Фрейри пользовался почти непререкаемым авторитетом, имел репутацию классика. Многочисленные работы интеллектуала посвящены широкому кругу вопросов. В центре его исследований – проблемы истории, литературы, политологии, социологии, экономики, этнологии. Значительную роль Жилберту Фрейри сыграл в трансформации общественных наук в Бразилии, способствуя их интеграции в западную модель гуманитарного знания. Вероятно, именно Ж. Фрейри следует признать создателем бразильской версии институционализма, началом которого в Бразилии стала классическая работа «Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal»⁴. Теоретические построения Ж. Фрейри имеют немало общего с послевоенным институционализмом. В работах бразильского социолога мы находим те характерные черты институционализма, о которых пишет Н. Глух, а именно: «междисциплинарный подход, связанный с самим объектом исследования – институтами, структурными и функциональными аспектами институциональной системы в сфере экономики как части целостного общественного механизма... принцип историзма и стремление выявить движущие силы и факторы развития, основные тенденции общественной эволюции, а также обосновать целенаправленное воздействие на перспективы общественного развития»⁵.

Одна из центральных тем в научном наследии Жилберту Фрейри – распад традиционности и формирование новых отношений в Бразилии «в тени больших амазонских лесов» и в контексте существования значительных региональных диспропорций⁶. В 1920 – 1930-е годы, названные позднее «временем, имеющим решающее значение для развития»⁷, Ж. Фрейри (как бразильский националист) негативно оценивал проникновение американского капитала в «аграрно-патриархальное общество»⁸, позитивно воспринимая попытки бразильских политических элит сделать экономику страны более национальной на фоне постепенного распада традиционализма. Этот процесс определялся Ж. Фрейри как одновременная «дезорганизация и реорганизация общества»⁹.

В середине 1930-х годов Ж. Фрейри прилагал значительные усилия, направленные на формирование нового образа Бразилии – не только страны высокой культуры, но и государства со значительными возможностями для развития экономики. По мнению Жилберту Фрейри, трансформационные и адаптационные способности Бразилии были огромны, о чем, например, свидетельствовало то, что бразильская политическая, социальная и экономическая культура аккумулировала «европейский монархизм, африканский ислам, растворившийся в иберийском католицизме»¹⁰. Ж. Фрейри подчеркивал, что процесс развития Бразилии и бразильской экономики был в значительной степени подвержен регионализации, что стало результатом португальской колонизации, активного ввоза черных рабов, которые через межрасовые связи постепенно ассимилировались¹¹, а позднее немецкой и итальянской иммиграции, которая способствовала формированию региональных особенностей в развитии бразильской экономики, наложив существенный отпечаток на процесс урбанизации Бразилии.

Позднее Бразилия стала привлекательной страной для польских, сирийских и японских иммигрантов¹², которые разделили судьбу своих предшественников, постепенно ассимилируясь и интегрируясь в систему экономических и социальных отношений. Комментируя процесс расового смешения и формирования политической нации в Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «победившие в военном отношении европейцы были вынуждены пойти на генетические и социальные контакты с чернокожим населением... нехватка белых женщин привела к росту связей между белыми и черными, между хозяевами и рабами... смешение рас несколько уменьшило социальную дистанцию»¹³, способствуя демократизации общества в Бразилии¹⁴.

Проявлением регионализации следует признать и появление феномена «экономики кофе», которая, согласно Ж. Фрейри, привела к пересмотру социальных и гендерных ролей, что выразилось в «процессе девальвации мужчины»¹⁵, который постепенно перестал быть центральной фигурой в системе экономических и социальных отношений на микроуровне. По мнению Жилберту Фрейри, кофе в Бразилии стал монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие экономики: «в Бразилии, отношения между белыми и цветными расами были обусловлены системой экономического производства... и нехваткой белых женщин... монокультура требовала огромной массы рабов»¹⁶.

Поэтому в Бразилии на протяжении «социального времени»¹⁷ возникло несколько культур гибридного типа, которые сочетали элементы лузо-португальской традиции, а также культурных традиций при-

несенных черными африканскими рабами и привезенных позднейшими итальянскими и немецкими иммигрантами. В концепции, предложенной бразильским интеллектуалом, и «старые» и «новые» бразильцы изначально являлись носителями традиционной культуры, которая не выдержала конкуренции с набирающим силу бразильским вариантом капитализма. Комментируя особенности экономической и социальной истории Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «сельские жители стали жертвами прогресса, сахарной и кофейной промышленности»¹⁸ в период «социальной неопределенности и социальных колебаний»¹⁹.

Экономическую динамику Ж. Фрейри связывал с политическими процессами, полагая, что развитие кофейной промышленности стало одним из факторов, способствовавших падению Империи. «Кофе стал основой республиканского строя в нашей стране»²⁰, – подчеркивал бразильский исследователь. Жилберту Фрейри полагал, что синтез различных культур и традиций²¹ на территории Бразилии вместе с новейшими техническими достижениями может создать условия для экономического и политического прорыва. По мнению бразильского интеллектуала, этот прорыв возможен при участии государства исключительно в рамках капиталистической модели развития, основанной на принципах индивидуализма и свободного рынка.

По мнению Ж. Фрейри, в Бразилии не сложились национальные предпосылки для реализации левой альтернативы. Согласно концепции предложенной Жилберту Фрейри в своей классической работе «Casa-grande e senzala»²² даже бразильские индейцы были в большей степени склонны к индивидуализму, нежели к коллективизму²³. Ж. Фрейри полагал, что несмотря на некую изначальную традиционность, домодерное общество в Бразилии быстро пришло в упадок, что было связано со своеобразной социальной локализацией социальных и экономических отношений на микроуровне – на уровне casa-grande – одновременно «патриархальной твердыни, часовни, школы, мастерской, святого дома, гарема и женского монастыря».

Акцентируя внимание на экономической и культурной значимости этого института, Ж. Фрейри подчеркивал, что «социальная история “большого дома” является неотъемлемой частью семейных историй многих бразильцев»²⁴. Именно этот «большой дом» представлял систему социальных, политических и экономических связей, актуализированных в таких формах межгендерной и одновременно (или часто) межрасовой и межклассовой коммуникации как экономика на локальном уровне (кофе, сахар, табак), труд (работа белых и рабство черных), религия (католицизм белых, католицизм части негров и му-

латов, традиционных культуры черных рабов), семья и секс (фактическая полигамия с широким спектром социальных возможностей для детей, родившихся в результате связи белого и негрятки, негра и белой).

Жилберту Фрейри заложил основания для последующего интеллектуального прорыва Бразилии. Будучи бразильским националистом, Ж. Фрейри внес значительный вклад в формирование и консолидацию идентичности бразильской политической нации. Исследования Ж. Фрейри глубоко интегрированы в процесс социальной и культурного трансформации Бразилии в рамках модернизационной модели, на которую делали ставку политические элиты. Работы бразильского интеллектуала имеют принципиально важное значение для изучения бразильской экономики, в том числе – и проблем государственного участия, так как именно они стали первой академической попыткой интерпретации и объяснения кризиса традиционных отношений и выстраивания в Бразилии новой экономической системы, основанной на ценностях политической нации, гражданской свободы (связанной с ценностями свободного рынка) и патернализма, представленного национальным государством как центральном элементом новой социальной, экономической и политической системы.

Политическое и интеллектуальное пространство Бразилии постимперского периода и особенно в 1930-е годы развивалось фрагментировано. Значительную часть интеллектуалов составляли сторонники президента Жетулиу Варгаса, которые писали о необходимости и пользе государственного участия в управлении экономикой, полагая, что именно авторитарная политическая модель в наибольшей степени соответствует национальным особенностям бразильцев. Их оппоненты, наоборот, писали о пользе демократических институтов, предпочитая более осторожно оценивать государственное участие в экономической жизни. К этой группе относился Нестор Дуарти (Nestor Guimarães Duarte, 1902 – 1970)²⁵.

По мнению Нестора Дуарти, значительное влияние на формирование бразильской модели экономического развития оказал колониальный период, когда были заложены основы «социальной организации» бразильского общества²⁶. Нестор Дуарти полагал, что бразильское общество формировалось на протяжении длительного времени через синтез лузо-бразильских (португальских) и африканских элементов²⁷. Значительную роль сыграло то, что территория будущей Бразилии была колонизирована именно португальцами, которые принесли в колонию социальные отношения и экономические институты, характерные для Португалии²⁸.

Поэтому на раннем этапе колониальной истории бразильское общество можно интерпретировать как попытку трансплантации португальской модели социально-экономического развития, представленного в различных формах «культуры и социальной активности португальского народа», которые были тесным образом связаны с «общинным духом нации и религиозными чувствами». На протяжении колониального периода важнейшими акторами экономической жизни были Католическая Церковь и семья, а роль государства, представленного колониальной администрацией, была не столь значительной, хотя именно в период пребывания Бразилии в составе Португалии были заложены основы такого типа экономического и политического управления, который Нестор Дуарти определял как «корпоративный»²⁹.

Семейные отношения оказали существенное влияние на развитие бразильской экономической модели, заложив принципы патернализма и патерналистского отношения со стороны сильных в отношении слабых. Анализируя фактор семьи в ранней бразильской истории, Нестор Дуарти предполагал, что в Бразилии сложился феномен особого «семейного феодализма» – системы социально-экономических отношений, в рамках которой центральным элементом политических и экономических связей была семья. Постепенно функции семьи вышли за пределы элементарного воспроизводства новых членов колониального общества: семья начала играть политические и экономические роли.

Подобные процессы привели к возникновению феномена *casa grande*, вылившегося в закрепление неполноправного статуса женщины, определяемого Н. Дуарти как «социальная неполноценность». Эта «неполноценность» проявлялась и в том, что на микроуровне белые девушки были вынуждены конкурировать с молодыми черными рабынями. Эта конкуренция не остановила процесс расового смешения в Бразилии, что наложило существенный отпечаток на экономические и социальные отношения аграрного микроуровня бразильского общества. Нестор Дуарти, признавая авторитет Ж. Фрейри в изучении «большого дома», подчеркивал, что именно *casa grande* представляет собой «самый высокий уровень социальной организации за пределами государства»³⁰.

Значение колониального периода, как полагал Н. Дуарти, состояло в формировании «стабильного и устойчивого общества». С феноменом *casa grande* в Бразилии был связан и институт рабства³¹. Белые португальские мужчины в отношении своих рабов были вынуждены играть патерналистские роли. Ситуация «распушенности семейных отношений»³², как полагает Нестор Дуарти, привела к тому, что социальное существование рабынь протекало между постелью господина и

кухней. В подобной ситуации черные не вызывали отторжения у белых португальцев. Чувство расовой терпимости распространялось и на мулатов. Эта своеобразная «роль отца» как правило, исполнялась экономически, но в ряде случаев – и фактически. Институт рабства³³ в Бразилии оказался тесно связан с институтом семьи: рабство не имело значения вне пределов локального сообщества, что свидетельствует о силе социальной взаимосвязи между господами и рабами³⁴.

Особую роль в экономической трансформации Бразилии как португальской колонии, согласно Н. Дуарти, сыграло то, что именно португальцы принесли в регион институты частной собственности. Анализируя колониальный этап в бразильской истории Н. Дуарти, предположил, что тогда были заложены основы своеобразного антиурбанизма, что создало условия для развития «преимущественного аграрной модели общества»³⁵. Именно этот преимущественно аграрный характер Бразилии привел к установлению экономики монокультур. Первой монокультурой, которая оказала значительное влияние на развитие Бразилии, был сахар.

Экспорт сахара привел не столько к экономическому росту колонии, сколько оказал влияние на ее урбанизацию и усложнение социальной и экономической структуры колониального общества. Это усложнение было связано с вынужденным завозом негров³⁶, которые использовались в качестве рабов при обработке сахарного тростника, а позднее – и кофе. Если на раннем этапе колонизации ее основными участниками были белые португальцы-католики, то спустя сто лет после появления европейцев социальная картина в Бразилии выглядела более сложно: кроме сводного белого населения, составлявшего основу «экономического класса», и черных рабов существовали и новые социальные группы – метисы и мулаты.

С другой стороны, освоение бразильцами новых культур, кофе и какао, позволили начать более активную внутреннюю колонизацию, что привело к существенному расширению экономического пространства. Внутренняя колонизация Бразилии протекала в условиях «отсутствия белых женщин». В этом контексте Н. Дуарти солидарен с Ж. Фрейри, который полагал, что расовое смешение «в пределах обширной географической среды»³⁷ оказало значительное влияние на развитие социальных и экономических отношений в Бразилии. Характерной чертой экономической динамики колониальной Бразилии была демографически-финансовая диспропорция: в регионе было много белых и черных мужчин, черных женщин, но крайне не первым крайне не хватало белых женщин и денег.

Это создало условия для расовой миксации и возникновения плантационного хозяйства, для постепенного политического и экономического отдаления южноамериканских колоний от Португалии. Негативную роль сыграли и территориальные размеры колонии, которые способствовали формированию ее экономической самодостаточности. Отделение Бразилии от Португалии поставило перед бразильскими элитами новые задачи, важнейшие из которых были связаны с преодолением экономической отсталости и формированием политической нации.

История как наука и история как вид гуманитарного знания в значительной степени оказывали и продолжают оказывать влияние на развитие национализма, националистического движения, существование, функционирование и трансформацию различных идентичностей – культурных, политических, национальных. Историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализма, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах³⁸. История принадлежит к числу тех наук, которые не просто отличаются своим особым статусом и междисциплинарным характером, но и требуют от того или иного сообщества постоянной работы исторической памяти и исторического воображения.

Именно поэтому история нередко использовалась для обоснования прав того или иного сообщества на существование, для легитимации исторических процессов, для придания легитимного статуса состоявшимся политическим изменениям. О связи исторических исследований и национализма, историографии и национальной памяти писали немало³⁹, но большинство работ отличается европоцентризмом, сфокусированностью исключительно на европейских сюжетах⁴⁰.

Категории «история» и «память» неотделимы. Память подвержена политическим и социальным влияниям. Это, в свою очередь, ведет к тому, что единой истории, в том числе – и истории Бразилии, не существует. На протяжении XX века история Бразилии претерпела значительные политические и методологические трансформации, переписываясь, воображаясь, создаваясь и конструируясь в зависимости от политической конъюнктуры. Занятия историей стимулировали у бразильских интеллектуалов два качества принципиально важных для гуманитария – способность к спекуляции и склонность к рефлексии.

Нередкие рефлексии и спекуляции над историческим прошлым в Бразилии не могли быть негативными и отрицательными сами по себе, в виду самого их существования в среде исследовательского сообщества. Рефлексия и спекуляция были в Бразилии важнейшими пред-

посылками для интеллектуальных поисков, для методологических новаций. Нередко исторические рефлексии и спекуляции были связаны с политическими событиями. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что в национальной бразильской истории наиболее важными были два события – провозглашение независимости и провозглашение республики.

На период между двух этих дат, между 1822 и 1889 годами, приходится история Бразилии как история Бразильской Империи. Современная бразильская идентичность формировалась на протяжении двух веков – XIX и XX столетий. Модерновая современная бразильская нация сложилась вероятно уже как нация республиканская – в конце XIX – начале XX века. История Бразилии в этой ситуации создавалась и воображалась, писалась и описывалась как именно республиканская история, как история свободной республиканской нации. Имперский этап в такую схему истории явно не совсем вписывался и интегрировался. Бразильцы были не единственной нацией, которая имела подобные исторические и идентичностные проблемы.

Политический республиканский и монархический опыт весьма трудно совместимы. Республиканская перцепция имперской части национального прошлого нередко может развиваться именно как спекуляция в направлении провозглашения монархического периода как самой «черной» страницы в той или иной национальной истории. Комплекс политических и исторических нарративов, связанных, например, с историей Российской Империи, яркое тому подтверждение. В Бразилии сложилась иная ситуация. Бразильское интеллектуальное сообщество после провозглашения Республики в качестве модели развития выбрало не конфронтационный, а интеграционный вариант.

В этой ситуации была предпринята попытка интегрировать период Бразильской Империи в историю бразильской республиканской нации. Попытки подобной интеграции наиболее четко просматриваются в работах, которые претендуют (или претендовали) на статус классических в той или иной сфере исторического знания, изучения или преподавания истории.

Среди таких работ – «История Бразилии» Роши Помбу. Роша Помбу (1857 – 1933) был крупным бразильским историком⁴¹, работы которого оказались востребованы обществом не просто в виде исследований, но в качестве учебника (что свидетельствует о некотором уровне признания), который использовался в Бразилии 1930 – 1940-х годов, неоднократно переиздаваясь⁴².

Исторические учебники – важные звенья в процессе социализации нового поколения и формирования у него не просто исто-

рической памяти, но национальной и политической идентичности. Л. Хэйн и М. Сэкдэн в связи с этим подчеркивают, что «школы и учебники – важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее»⁴³. В эту республиканскую (и авторитарную – учебник применялся в 1930-е годы, в период правления Жетулиу Варгаса) идентичность требовалось интегрировать и имперский период в истории Бразилии.

В центре настоящего раздела будет интерпретация имперских сюжетов в преимущественной республиканской исторической схеме, которую мы находим у Роши Помбу – в его книге «История Бразилии»⁴⁴.

Отличительной чертой той части исследования Роши Помбу, которая посвящена империи является преимущественно событийный характер описания и широкое использование «бразильской» лексики – то есть слов типа «Бразилия» и производных от него. Примечательно, что, описывая борьбу за независимость, Роши Помбу полагает, что в ней участвовали уже «бразильцы», а регент Педру (будущий император Педру I) обращался в своих воззваниях именно к «бразильцам»⁴⁵. Дальнейшие успехи «бразильцев» историк был склонен связывать с их патриотизмом⁴⁶, под которым он, вероятно, понимал гражданский национализм. Вероятно, для Роши Помбу было характерно в значительной степени примордиалистское, как и для многих других националистов, отношение к истории, что пресекалось и соотносилось с социальными процессами того времени.

Написание истории является и результатом социальных позиций⁴⁷. Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости. Элементы этой самости и идентичности Роша Помбу был склонен искать в истории Бразилии, в том числе – и в истории Бразильской Империи. Появление Бразильской Империи для Роши Помбу – результат развития именно бразильского национализма и деятельности Педру. Для текста Роши Помбу характерны некоторые элементы монархической идеологии в латентном виде.

Подобный контент, вероятно, свидетельствует о том, что бразильское интеллектуальное сообщество того времени не пережило процесса деимпериализации⁴⁸, приспособления исторических схем и нарративов к факту исчезновения империи. В частности, он без республиканского фанатизма описывал политические шаги Педру, а сам факт того, что тот отказался возвращаться в Португалию оценивался как позитивно. Комментируя это решение, Роша Помбу писал, что «это был самый блестящий и торжественный эпизод в нашей истории»⁴⁹.

Более того, предполагалось, что народ приветствовал Педру «с самым живейшим выражением радости»⁵⁰.

Усилиями Роши Помбу в национальный пантеон героев попали и несколько деятелей, связанных с Империей. Это, в частности, относится к Жозе Бонифасиу ди Андрада и Силве, который, по словам Роши Помбу, «отвечал ударом на удар, парализуя происки»⁵¹ врагов бразильской независимости. Сам акт провозглашения независимости, «клич на Ипиранге», в котором участвовал Педру, описан как одно из торжественнейших и счастливейших событий в истории Бразилии: «этот клич был многократно повторен всеми присутствующими... и прокатился по всей стране»⁵².

Текст, посвященный истории Империи, изобилует описаниями проявлений монархизма. В частности Роша Помбу указывает, что после провозглашения независимости Педру посетил театр, где «его встретили бурной овацией»⁵³. Кроме этого описываются зрители, которые «в течение нескольких минут, пребывая в состоянии бурного порыва» выкрикивали «Да здравствует первый король Бразилии!»⁵⁴. Отречение первого бразильского императора Роши Помбу мотивировал тем, что в период своего короткого правления Педру... не смог правильно воспользоваться императорской властью⁵⁵, будучи не в силах лавировать между различными группировками и умерить свои амбиции.

Что касается периода регентства, когда императорская власть столкнулась с мощными вызовами, симпатии Роши Помбу, учебник которого использовался в период Республики, были явно на стороне Империи. Роша Помбу в частности писал, что «нельзя не проникнуться чувством глубокого восхищения людьми, стоящими во главе регентства, их изумительными усилиями, с которыми они справлялись с положением в стране, несмотря на то, что им приходилось... жить в гуще мятежей»⁵⁶. Примечательно отношение Роши Помбу к восстаниям, которые в период регентства проходили под республиканскими лозунгами. Восставшие, в частности, оцениваются им как «вооруженные банды»⁵⁷, которые оспаривали власть друг у друга и у центрального правительства.

Кроме этого, Роша Помбу полагал, что идея Империи пользовалась поддержкой большинства населения: «большинство представителей нации находились в полном согласии, признавая необходимость противодействовать всем демагогическим эксцессам и подрывным доктринам, которые сеяли повсюду смуту в империи»⁵⁸. Роша Помбу, таким образом, вероятно, полагал, что монархические настроения в Империи были достаточно сильны.

Анализируя объявление Педру II совершеннолетним, Роша Помбу уделил значительное внимание внешним проявлениям монархизма и особой имперской лояльности: «...сторонники признания императора совершеннолетним направились в сопровождении многочисленной ликующей толпы к зданию сената... по пути, на улицах и площадях, их бурно приветствовала взволнованная публика...»⁵⁹. Политика монархистов, сторонников провозглашения совершеннолетия императора, оценивалась Роши Помбу в республиканской Бразилии как единственная возможность спасения бразильской независимости⁶⁰. Роша Помбу ссылаясь и на «желание бразильской нации»⁶¹ и на осознание Педру II своей «исторической миссии»⁶².

Роша Помбу полагал, что успешная реализацией Бразильской Империей ее исторической миссии, «возрождение во всех сферах жизни нашей страны»⁶³ значительно повысили статус Империи среди других государств. Роша Помбу предполагал, что эта особая миссия императора и Бразильской Империи проявилась во внешней политике, в частности – в конфликте с Аргентиной, в ходе которого Бразилия способствовала отстранению от власти диктатора Хуана Росаса. Анализируя свержение Росаса, Роша Помбу полагал, что «Бразильская Империя могла гордиться тем, что она выполнила свою миссию во имя торжества мира и справедливости»⁶⁴.

Подобным образом он оценивал и результаты войны против Парагвая, предполагая, что именно благодаря Бразилии в регионе Ла-Платы завершилась эпоха существования диктаторских военных режимов, на смену которым пришли режимы, не посягавшие на «общественные права человека», что стало началом «новой эры цивилизации на континенте»⁶⁵. Таким образом, Роша Помбу развивал миф, возникший еще в период Империи, о том, что имперской модели в Бразилии были присущи демократические атрибуты, а сама Империя отличалась значительным уровнем либерализма, будучи вполне современным и развитым для того времени государством.

Подводя итоги настоящего раздела, отметим, что восприятие истории Бразильской Империи в том виде, в котором мы наблюдаем в исследовании Роши Помбу, вероятно, свидетельствует о том, что Республика того времени (времени появления и использования этой книги) испытывала немалые трудности со своей республиканской политической идентичностью. Историческая рефлексия об Империи подчеркивает это. Интерес к Империи в общественном и политическом дискурсе Бразилии 1930-х годов был вовсе не случаен. Сложные политические процессы, связанные с функционированием авторитарного режима президента Жетулиу Варгаса, стремление последнего ради-

кальным образом трансформировать бразильскую государственность стимулировали интерес бразильцев к империи как длительному, но несостоявшемуся политическому проекту.

В тексте книги немало монархически-имперских образов и мотивов. К моменту установления Республики Роша Помбу был уже сложившимся исследователем. Вероятно, история Империи для Помбу – это частично и его собственная история. Не исключено, что именно с этим связан некоторый монархизм, присущий тексту, ностальгия о единении народа с государством вокруг фигуры императора. Эта своеобразная имперская ностальгия из бразильского исторического и интеллектуального дискурса исчезает окончательно лишь к 1960-м годам.

Историческое мифотворчество, рано или поздно, подвергается деконструкции. На смену спекулятивной (событийной и в значительной мере романтической, национально ориентированной) историографии, которая играла на чувствах патриотизма и национализма, пришла новая историческая наука, в основе методологического инструментария которой лежали идеи, почерпнутые из западной, англо-американской и французской, гуманистики. В рамках новой модели гуманитарного знания в Бразилии возникла и новая история Бразильской Империи.

---

¹ Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка / Р. Шартье // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 66. – (<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html>)

² Там же. – (<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/shart2.html>)

³ О Жилберту Фрейри см.: Amaral A. *Relações perigosas o imaginário freyriano no discurso governamental* / A. Amaral // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 163 – 186; Bastos E. *Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil* / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72; Lippi Oliveira L. *Gilberto Freyre e a Valorização da Província* / L. Lippi Oliveira // Revista Sociedade e Estado. – 2011. – Vol. 26. – No 1. – P. 117 – 149.

⁴ О восприятии этого классического текста в Бразилии см.: Araújo R.B. *de, Guerra e Paz: Casa-Grande e Senzala e a obra de GF nos anos 30* / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1994; Araújo R.B. *de, Deuses em miniatura: notas sobre genialidade e melancolia em Gilberto Freyre* / R.B. de Araújo // *Navegar é preciso, viver: escritos para Silvano Santiago*. – Belo Horizonte, 1997.

⁵ Глух Н.А. Особенности послевоенного институционализма / Н.А. Глух // *История экономических учений (современный этап)* / под ред. А. Г. Худокормова. – М., 1998. – (<http://gallery.economicus.ru/>)

⁶ О современном восприятии Ж. Фрейри как исследователя регионализации см.: Almeida J.M. *Regionalismo e modernismo: as duas faces da renovação cultural dos anos 20* / J.M. Almeida // *Gilberto Freyre em quatro tempos* / org. E.V. Kosminsky, C. Lépine, F.A. Peixoto. – Bauru, 2003; Arruda M.A. *A temática regional: considerações historiográficas* / M.A. Arruda // *Anais do Museu Paulista*. – 1986. – T. XXXV. – P. 156 – 166; Calazans R. *Ambivalências: o Nordeste nas obras de Gilberto Freyre e Celso Furtado* / R. Calazans // *Revista Brasileira de Ciências Sociais*. – 2007. – Vol. 22. – No. 64.

⁷ Freyre G. *Regionalismo Brasileiro* / G. Freyre // *Folha de São Paulo*. – 1978. – Setembro 6.

⁸ Freyre G. *A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala”* / G. Freyre // *Revista do Brasil*. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.

⁹ Freyre G. *Atualidade da sociologia* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1941. – Outubro 8.

¹⁰ Freyre G. *Os interesses do Brasil* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1938. – Novembro 10; Freyre G. *Estudos afro-americanos* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1942. – Março 21.

¹¹ О роли и месте негров в изменяющемся бразильском обществе см.: Freyre G. *Um escravo velho* / G. Freyre // *Diário de Pernambuco*. – 1942. – Julho 2.

- ¹² Freyre G. *A necessidade do pluralismo sociológico* / G. Freyre // *Folha de São Paulo*. – 1942. – Maio 18.
- ¹³ Freyre G. *Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
- ¹⁴ Демократизация социальной и экономической жизни была актуальной проблемой на протяжении всего XX столетия для Бразилии. О демократизации в теоретическом плане см.: Przeworski A., Cheibub J.A., Limongi F. *Democracia e cultura: uma visão não culturalista* / A. Przeworski, J.A. Cheibub, F. Limongi // *Lua Nova*. – 2003. – No 58. – P. 9 – 36.
- ¹⁵ Freyre G. *O homem e as paisagens rurais* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1939. – Julho 5.
- ¹⁶ Freyre G. *Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
- ¹⁷ Freyre G. *Atualidade da sociologia* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1941. – Outubro 8.
- ¹⁸ Freyre G. *O homem e as paisagens rurais* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1939. – Julho 5.
- ¹⁹ Freyre G. *Atualidade da sociologia* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1941. – Outubro 8.
- ²⁰ Freyre G. *O homem e as paisagens rurais* / G. Freyre // *Correio da Manhã*. – 1939. – Julho 5.
- ²¹ О специфике развития Бразилии в теоретическом плане см.: Rangel I. *A história da dualidade brasileira* / I. Rangel // *Revista de Economia Política*. – 1981. – Vol. 1. – No 4. – P. 5 – 34.
- ²² Freyre G. *Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
- ²³ Freyre G. *A Propósito de um livro em 3ª edição “Casa grande e senzala”* / G. Freyre // *Revista do Brasil*. – 1938. – Vol. 1. – No 1. – P. 33 – 40.
- ²⁴ Freyre G. *Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal* / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
- ²⁵ О Несторе Дуарти в контексте развития социально-экономических исследований в Бразилии см.: Ambrosini D.R. *Contextos de Nestor Duarte – Política, Sociologia e Direito (Tese apresentada ao Programa... Letras de Ciências Humanas de Universidade de São Paulo para obtenção do título de Doutor)* / D.R. Ambrosini. – São Paulo, 2011.
- ²⁶ Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
- ²⁷ О социально-экономической концепции Н. Дуарти см.: Dombrowski O. *Ordem Privada e reforma agrária em Nestor Duarte* / O. Dombrowski // *Lua Nova*. – 2000. – No 49. – P. 225 – 240.
- ²⁸ Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
- ³¹ Об институте рабства в контексте социального и экономического развития Бразилии см.: Garcia A. *A Sociologia Rural no Brasil: entre escravos do passado e parceiros do futuro* / A. Garcia // *Estudos Sociedade e Agricultura*. – 2002. – No 19. – Outubro. – P. 40 – 71.
- ³² Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
- ³³ О рабстве в теоретическом плане см.: Cardoso F.H. *Capitalismo e escravidão no Brasil meridional – o negro na sociedade escravocrata do Rio Grande do Sul* / F.H. Cardoso. – Rio de Janeiro, 1977.
- ³⁴ О современном восприятии института рабства в Бразилии см.: Bivar Marquese R. de, *Díspora africana, escravidão e a paisagem da cafeicultura no Vale do Paraíba oitocentista* / R. de Bivar Marquese // *Almanack Braziliense*. – 2008. – No 7. – (http://www.almanack.usp.br/PDFS/7/07_Artigos-05.pdf); Grinberg K. *Senhores sem escravos: a propósito das ações de escravidão no Brasil Imperial* / K. Grinberg // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 6. – (http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_forum-01.pdf); Bivar Marquese R. de, *O poder da escravidão: um comentário aos “Senhores sem escravos”* / R. de Bivar Marquese // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 6. – (http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_forum-02.pdf); Kelmer Mathias C.L. *Preço e estrutura da posse de escravos no termo de Vila do Carmo (Minas Gerais), 1713 – 1756* / C.L. Kelmer Mathias // *Almanack Braziliense*. – 2007. – No 6. – (http://www.almanack.usp.br/PDFS/6/06_artigo-03.pdf)
- ³⁵ Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)
- ³⁶ О рабстве в контексте развития экономики см.: Blackburn R. *A construção do escravismo colonial* / R. Blackburn. – Rio de Janeiro – São Paulo, 2003; Gorender J. *O Escravismo Colonial* / J. Gorender. – São Paulo, 1978; Goulart M. *A Escravidão Africana no Brasil* / M. Goulart. – São Paulo, 1975; Genovese E.D. *O mundo dos senhores de escravos* / E.D. Genovese. – Rio de Janeiro, 1979; Lovejoy P.E. *A Escravidão na África: uma história de suas transformações* / P.E. Lovejoy. – Rio de Janeiro, 2002.

³⁷ Duarte N. *A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira)* / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939. – (<http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/duarte.html>)

³⁸ См. об этом подробнее: Смит Э.Д. *Национализм и историки* / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236.

³⁹ См.: Jilge W. *Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991* / W. Jilge // *European History: Challenge for a Common Future* / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134; Klid B. *The Struggle over Mykhailo Hrushevs'ky: recent Soviet Polemics* / B. Klid // *Canadian Slavonic Papers*. – 1991. – Vol. 33. – No 1. – P. 32 – 45; Kohut Z.E. *History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine* / Z.E. Kohut // *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia* / ed. S.F. Starr. – NY., 1994. – P. 123 – 145; Le Caire H. *New States, Old Identities? The Czech Republic, Slovakia and Historical Understanding of Statehood* / H. Le Caire // *Nationalities Papers*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466; Troebst S. *"We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley* / S. Troebst // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.

⁴⁰ Agičić D. *Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti* / D. Agičić // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160; Aleksov B. *Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima* / B. Aleksov // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258; Goldstein I. *Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema* / I. Goldstein // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138; Kolstø P. *Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima* / P. Kolstø // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.

⁴¹ Автор уже касался проблем, связанных с восприятием истории Бразилии в работах Р. Помбу в контексте развития бразильского национализма. См.: Кирчанов М.В. *Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 99 – 110 (глава «Конструируя историю Бразилии: национальное прошлое в дискурсах классического историописания»).

⁴² См. например: Pombo R. *História do Brasil* / R. Pombo (7 edição. Revista e atualizada por Hélio Vianna). – Rio de Janeiro, 1956.

⁴³ Hein L., Sekden M. *The Lessons of War, Global Power and Social Change* / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

⁴⁴ Вероятно, следует сказать несколько слов о судьбе этой «книги» в Зональной Научной Библиотеке Воронежского Государственного Университета, вышедшей на русском языке в 1962 году. Читатели ЗНБ, вероятно, припомнят, что на некоторых «старых» книгах стоит печать ВГУ, где фигурирует Министерство высшего и среднего профессионального образования РСФСР. На протяжении более чем двадцати лет у «Истории Бразилии» Роши Помбу не было читателей, и по этой причине она была отправлена в пассивный фонд. Автор впервые «нашел» книгу в 2006 году – до этого (с 1962 года) она выдавалась (если верны записи на формуляре) всего два (!) раза. До пассивного фонда книга дошла уже утратив более двадцати страниц, часть из которых касалась и истории Бразильской Империи.

⁴⁵ Помбу Р. *История Бразилии* / Р. Помбу / пер. с порт. Ю.В. Дашкевича и В.И. Похвалина, ред. и предисловие А.М. Хазанова. – М., 1962. – С. 306.

⁴⁶ Помбу Р. *История Бразилии*. – С. 327.

⁴⁷ См. об этом более подробно: Friedman J. *History, Political Identity and Myth* / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 42.

⁴⁸ О термине см.: Козут З.Є. *Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні* / З.Є. Козут // *Козут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України* / З.Є. Козут. – Київ, 2004. – С. 218.

⁴⁹ Помбу Р. *История Бразилии*. – С. 311.

⁵⁰ Там же. – С. 311.

⁵¹ Там же. – С. 313.

⁵² Там же. – С. 317.

⁵³ Там же. – С. 317.

⁵⁴ Там же. – С. 317.

⁵⁵ Там же. – С. 336 – 341.

⁵⁶ Там же. – С. 346.

⁵⁷ Там же. – С. 347.

⁵⁸ Там же. – С. 365.

⁵⁹ Там же. – С. 368.

⁶⁰ Там же. – С. 368.

⁶¹ Там же. – С. 368.

---

⁶² Там же. – С. 368.

⁶³ Там же. – С. 403.

⁶⁴ Там же. – С. 385.

⁶⁵ Там же. – С. 402.

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

2013, № 12

Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 21.V.2013 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
